

ВОЕНТОРГ
СКЛАД №1

Рафаэль Дамиров

7

КУРСАНТ

НАЗАД В СССР

Рафаэль Дамиров
Курсант. Назад в СССР 7
Серия «Курсант: Назад
с СССР», книга 7

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70035301
Рафаэль Дамиров. Курсант: Назад в СССР 7:

Аннотация

Попаданец Андрей Петров после вручения ордена «Красной Звезды» из рук самого Щелокова продвинулся по карьерной лестнице. На дворе переломный 1982 год. Спецгруппе Горохова поручено новое задание. Никто не знал, что банальное убийство актера Большого театра в Москве повлечёт череду загадочных преступлений и интриг. На кону не только репутация группы, но и судьба страны...

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	46
Глава 5	59
Глава 6	73
Глава 7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Рафаэль Дамиров

Курсант: Назад в СССР 7

Глава 1

Москва. Июнь 1982 года. Петровка, 38. Кабинет руководителя межведомственной спецгруппы по раскрытию особо тяжких преступлений. Москва. Июнь 1982 года. Петровка, 38. Кабинет руководителя межведомственной спецгруппы по раскрытию особо тяжких преступлений.

Утренняя планёрка начиналась рутинно. Горохов зачитывал городскую сводку. Погодин зевал. Катков внимательно что-то записывал, я сидел и считал воробьев за окном, и только Света, казалось, слушала Никиту Егоровича.

Я заглянул в блокнот Каткова, который старательно что-то конспектировал с чрезвычайно умным видом. Но оказалось, что тот просто рисует замысловатые узоры, обводя разлиновку клеточек.

Задребезжал телефон. Аппарат звонил редко. Обычно это предвещало очередную командировку. Я с надеждой перевел взгляд с птиц на шефа. Уже две недели торчим в Москве и ничего не делаем. Так только... Местным помогаем по ме-

лочи.

– Слушаю, Горохов, – следователь нахмурился.

За эти почти два года, что прошли с событий в Новоульяновске, Никита Егорович ничуть не изменился. Лишь седины на висках прибавилось да морщины на лбу стали поглубже.

Он озадаченно поговорил с трубкой, почесал намечающуюся лысинку и недовольно пробурчал абоненту:

– А мы тут при чем, товарищ генерал?

Трубка что-то возбужденно вещала. Слов не разобрать, но, судя по всему – дело серьезное.

– Ясно, – закивал Горохов, будто собеседник мог его видеть.

Дзинь. Телефон звякнул, разъединив линию.

– Собирайтесь, товарищи. У нас убийство в гостинице «Россия».

– Шишку какую-то пришили? – поинтересовался я (на простых смертных нашу группу не отправляли, разве что, если трупов было больше, чем три, или прослеживалась серия).

– Да в том-то и дело, что убитый – птица обычного полета, – шеф задумчиво стал складывать бланки в портфель. – Не пойму, почему меня отправили делать осмотр. Есть же районная прокуратура. И городская, в конце-концов... Но сверху указание поступило, чтобы задействовать наши ресурсы по полной.

– Чье указание? Щелокова?

– Бери выше, из Политбюро кто-то в министерство внутренних дел позвонил и задач нарезал.

– Ого... И кого же убили?

– Некий Артур Дицони, солист Большого театра.

– Странная фамилия, – проснулся Погодин.

– Сын цыганского барона, личность наверняка интересная, но при чем тут мы? – продолжал недоумевать следователь.

– Хм-м... Не слышала о таком, – Света задумчиво перебирала в памяти артистов Большого, любила она к искусству приобщаться и частенько посещала спектакли, оперы и прочие балеты.

– Ладно... На месте разберемся, – Горохов встал из-за стола. – По коням. Кабинет свой замкните.

После громкого дела с убийством заместителя прокурора Дубова наша команда приросла еще одним сотрудником – старшим лейтенантом Погодиным, и с барского плеча МВД нам отрядили второй кабинет на Петровке. Горохов теперь, как начальник, заседал отдельно, а мы вчетвером размещались за стенкой.

Быстро собравшись, вышли на улицу. Июньское солнышко с любопытством на нас уставилось. Давненько мы не выходили из кабинетов все разом.

Наша служебная черная «Волга» еле вместила пятерых. Никита Егорович и Катков габариты отъели солидные. Да и

Погодин уже начинал матереть. Я уселся за руль. Горохов рядом, остальные сзади. От управления до гостиницы добрались минут за десять.

Гигантское здание из бетона и стекла раскинулось на берегу Москвы-реки, затмив собой Кремль и Храм Василия Блаженного. Смотрелось чуждо и инородно на фоне старой Москвы, но гостиница блистала пафосом новой эпохи и долгое время была символом СССР, пока ее бесславно не снесли в двухтысячных.

Мы остановились у главного входа. Парковка заставлена экскурсионными красными «Икарусами» с надписью: «Intourist». Возле некоторых спуют восторженные иностранцы. Финны, немцы и прочие китайцы под бдительным оком гида пытались в очередной раз разбежаться по окрестностям, щелкая окружающую обстановку на висевшие на груди фотокамеры. Но гиды бдили достойно. Подготовка их была сродни разведшколе. Собирали подопечных под крыло, как наседка цыплят, не давая лишний раз контактировать с «аборигенами», пресекали неудобные вопросы и всячески опекали иностранцев, чтобы те и чихнуть без их ведома не могли. Даже если в туристической группе затесался шпион, ничего дельного он раздобыть не мог бы, разве что поснимать издали незаметно стратегические объекты типа заводов.

Паранойя Сталина насчет шпионов уже не довлекла над железным занавесом, и иностранцев охотно пускали в СССР, хотя большинство туристов всё равно приезжало только из

дружественного соцлагеря. Но и истинным буржуйам было интересно воочию повидать страну развитого социализма. А руководство СССР желало продемонстрировать мощь молодого государства, где навсегда победил марксизм-ленинизм.

Просторный холл гостиницы с множественными стойками администраторов, стеклянными витринами с командирскими часами, матрешками и прочими балалайками кишел людьми.

На входе нас сразу взял в кольцо заслон из гостиничных коридорных, сержанта милиции и стоящего чуть поодаль смотрящего в неброском костюме с каменной мордой. Он явно не сотрудник гостиницы. Сто пудов, конторский, эти ребята тоже несли вахту в рассаднике капиталистов и потенциальных шпионов.

– Следователь Горохов, – Никита Егорович безошибочно вычленил из «стражников» старшего (того в сером костюме) и ткнул в него раскрытым удостоверением. – Это со мной, – кивнул он назад, избавив нас от предъявления собственных документов.

Но я все равно светанул новенькими лейтенантскими корочками. Ведь психологический комплекс от курсантской ксивы с фотографией рядового на развороте у меня прошел. Сейчас я там целый летеха.

После высокой награды от Щелокова карьера поперла в гору. В тот же год меня перевели из нашей средки курсантов в Волгоградскую высшую следственную школу мили-

ции, сразу на предпоследний третий курс. Оперской специальности в Волгограде не оказалось, ну и ладно. С образованием следователя можно в любой службе работать, и не только в органах. В Москве и в Саратове на тот момент были только средки, а в Омск – далекоовато мотаться. Вот и пошел следаком. Все равно учился по старой схеме, под кодовым названием “Фигаро тут, Фигаро там”. Большую-то часть времени проводил на работе в группе Горохова.

Через год получил летеху по сроку выслуги (на зависть своим сокурсникам, которым лейтенантские погоны упали на плечи только при выпуске), а летом 1981-го выпустился с дипломом юриста. Корочки умудрился получить с отличием, хотя знаниями на сессии блистал только по профильным предметам, однако, учитывая сверхлохматость могучей лапы, что меня закинула в учебное заведение, преподаватели, будто сговорившись, ставили мне на экзаменах высший балл, хотя я на этом совсем не настаивал. Как, впрочем, и не возражал.

Нужный номер оказался в другом корпусе. Всего их было четыре, не считая центральной башни во внутреннем дворе. Гостиницу отгрохали аж на пять тысяч рыл. Задумывали ее специально для депутатов Верховного Совета, что до этого периодически оккупировали гостиницу «Москва», вытесняя артистов, туристов и прочих гастролеров.

– Прошу за мной, товарищи, – улыбочивый коридорный возраста позднего Тургенева (и даже борода сверкает рос-

кошной белизной) в пафосном мундире, отделанном золотистыми листочками (издалека напоминал форму генерала банановой республики) повел нас длинными коридорами к нужному лифту.

По профессиональной привычке «генерал» вещал отточенными фразами, рассказывая о заведении, будто мы были обычные туристы.

– Это самая большая гостиница в мире, товарищи, – гордо заявил он. – Комплекс включает в себя магазины, концертный зал, кинотеатр и внесен в книгу рекордов Гиннеса, как самый крупный. Говорят, что артист не может считаться заслуженным и знаменитым, если не выступил в концертном зале «Россия».

– А почему название такое? – подковырнул я.

– А чем вам название не угодило, молодой человек? – прищурился провожатый.

– Как известно, у нас избегают таких названий. В обиходе Союз или РСФСР, а тут – Россия.

– Россия-матушка – наши истоки, – заявил «Тургенев». – Почитай, все оттуда вышли.

Коридорный вдруг остановился:

– Здравствуйте, Муслим Магометович, – провожатый вдруг расплылся в улыбке с полупоклоном перед джентельменского вида чернявым мужчиной средних лет.

Его лицо мне показалось до боли знакомым. Тот в ответ мельком кивнул, будто старался проскочить мимо побыст-

рее.

– Это же ведущий “Песни года”, – восхищенно проговорил Погодин.

– Эх, молодежь, – покачал головой коридорный. – Великих певцов надо знать в лицо. – Бородач, убедившись, что постоялец уже достаточно удалился, тут же напел хриплым голосом пару строчек.

Ты – моя мелодия,

Я – твой преданный Орфей...

– Так это Магомаев? – восхищенно пробормотал Погодин. – Не узнал его. В жизни он по-другому выглядит.

– Он самый, – гордо возвестил провожатый. – У него тут как квартира уже. Месяцами может в номере жить.

Лифт доставил нас на четвертый этаж. В коридоре, возле нужного нам номера 413, толпился народ. Мелькали серые мундиры милиционеров (да не простых, а целых генералов), синие – прокурорских работников (в звании ниже «полковника», в пересчете на наши, не увидел), люди в штатском, которые вовсе были не гражданскими.

– Ого, – тихо присвистнул я. – Сколько правоохранителей сбежалось, будто члена Политбюро убили.

– Тс-с, Андрей Григорьевич, – шикнул на меня Горохов. – Не в том месте и не в том смысле упоминаешь этих, – Горохов ткнул пальцем в потолок. – Вмиг к политическим тер-

рористам припишут. Хотя ты прав. Солист большого театра, причем новенький и никому не известный, а столько шуму.

– А вы что? – коридорный собирался уже нас оставить, но остановился и развернулся. – Не знаете, кто такой Артур Дицони?

Катков и Погодин одновременно развели руками.

– Вся Москва знает, а вы – нет... – усмехнулся бородач.

– И кто же он? – нахмурился Горохов.

– Простите, товарищи дорогие, но об этом не принято говорить вслух – органы соответствующие бдят. – Коридорный кивнул на людей в штатском. – А мне еще внуков растить, на родителей надежды нет, ведь трудятся они не в гостинице, а на заводе. Ладно, прощевайте, пойду я. И так уже лишнего наговорил.

Нам навстречу шагнул пузатый прокурор, на черных петлицах по две огромные звезды – по-нашему аж целый генерал-лейтенант получается.

Судя по вальяжности и некоторой надменности, навсегда застывшей на пухлом лице, чувствовал он себя среди высоких чинов явно, как рыба в воде. А то и как щука среди окуней. Явно был из генеральной прокуратуры. Черт... Кем же на самом деле был этот покойный цыган?

– Никита, – генерал позволил Горохову пожать себе руку, на остальных только бросил мимолетный взгляд, задержав его чуть подольше лишь на Свете, что смотрелась среди мужиков жемчужинкой. – Дело решили поручить твоей группе.

Горохов, явно недовольный, что его так по-панибратски назвали в присутствии подчиненных, коллег и прочих горничных, с извинкой в голосе спросил:

– К чему нам такая честь, Павел Алексеевич? Я так понимаю, потерпевший был артистом местного пошиба? Есть районная прокуратура. Городская, в конце концов.

– Не ерепенься, Егорыч, – понизив голос проговорил генерал. – Сам знаешь, кем был убитый... Сверху результатов ждут уже сегодня.

– Черт побери! – всплеснул руками Горохов. – Вы меня, конечно, извините, Павел Алексеевич, но о потерпевшем мне лишь известно, что он был солистом Большого театра. Скажите, наконец, что он за птица такая важная...

– Об это вслух не говорят, – назидательно улыбнулся «генерал». – Но сам понимаешь, все, что касается ЦК – по раскрытию на первом месте. Подключайся оперативно. В номере сотрудники из МУРа, введут тебя в курс дела.

Мы вошли внутрь просторного двухкомнатного номера, потеснив высокие чины. На кровати лежал абсолютно голый молодой мужчина. Распластался, неуклюже раскинув руки. Из раны на груди в районе сердца застывший красный ручеек вёл к целой луже, что пропитала постель. На животе под пупком поперечный разрез, тоже залитый кровью.

Света поморщилась и отвернулась. Погодин тоже скривился, но взгляда не отвел. И лишь криминалист Катков, словно легавая на охоте, сделал стойку. С интересом огля-

дывая обстановку и труп хоть и мёртвого, но довольно симпатичного и запоминающегося цыгана, возле которого копошились сразу два судмедэксперта в перчатках и какой-то сторонний криминалист с «Зенитом».

– Товарищи! – громко произнес Горохов. – Разрешите представиться. Горохов Никита Егорович, руководитель специальной межведомственной следственно-оперативной группы. Осуществление первичных следственных мероприятий поручено мне и моему личному составу. Я попрошу посторонних покинуть место происшествия. Остаются только эксперты и работники уголовного розыска. Спасибо за понимание.

Генералитет (что прокурорский, что МВД-шный) с удивлением уставился на наглеца. Какой-то следователь смеет им указывать?

– Товарищи, я прошу побыстрее, пожалуйста. Вы мешаєте осмотру и поиску возможных следов, – настаивал мой начальник.

Мы молчали, но согласны были с каждым словом.

Высокие чины загудели и потянулись к выходу. Не решились осадить Горохова. Понимали, что если дело поручено ему, то на месте происшествия он и есть главный.

Никита Егорович подозвал двух оперативников и стал их расспрашивать. Меня кто-то тронул сзади за плечо:

– Здравствуйте, Андрей Григорьевич.

Я обернулся и не поверил своим глазам. Передо мной сто-

ял ГБ-шник Черненко. Несмотря на жаркую погоду, мой старый знакомый по Новоульяновску был в плотном костюме и шляпе.

– Товарищ майор, – я пожал протянутую мне твёрдую, как доска сухую ладонь. – И вы здесь...

– Подполковник, – улыбнулся Черненко.

– Поздравляю, растете. Слышал, вы теперь здесь в столице насовсем обосновались?

– Мы там, куда Родина пошлет, – двусмысленно проговорил подполковник. – Давайте отойдем в сторонку. Переговорим.

Раньше от таких предложений я бы напрягся, размышляя о том, как бы не сболтнуть чего лишнего. Я давно знал, что контора бдила за мной, и иногда казалось, что они уже раскусили во мне попаданца. За те четыре года, что я здесь, уже привык к их вниманию и теперь особо не тревожился. Однако если они меня и раскусили, то дали зеленый свет. Не трогали, ведь своими поступками Петров, а в прошлом майор Нагорный, доказал, что цели преследует исключительно благие, и службу тянет, укрепляя ту самую безопасность Родины, о которой они так пекутся.

Мы вышли из номера.

– Слышал про ваши подвиги, Андрей Григорьевич, – Черненко вытащил сигарету и предложил мне, я отказался.

– Да какие подвиги? Так... Обычная служба.

– Ну, не скромничайте, – прищурился подполковник. –

Поговаривают, что раскрытие убийства моего старого знакомого товарища Дубова – чисто ваша заслуга. Горохов против Гоши Индия уже обвинения выдвинуть даже успел.

– Неправильно говорят, – слукавил я. – Это был наш общий план с Никитой Егоровичем, а финты с Гошей – обманый манёвр, чтобы усыпить бдительность истинного преступника.

Черненко степенно кивнул. Все движения у него выходили неприметными и одновременно какими-то породистыми.

– Будем считать, что я поверил. Только Горохову орден-то не вручили... Ну, не важно. Я вот про что хотел поговорить с вами. Потерпевший, как вы успели заметить, человек не особо выдающийся, но за него внесли веское слово люди с самого верха.

– И чем же он им так дорог?

– Убили его ночью, – продолжал подполковник, будто не расслышав моего вопроса. – Причина смерти – удар ножом в сердце.

– У него еще вспорот живот, – уточнил я.

– Это уже постфактум. Судмедэксперт определил по характеру кровотечения, что разрез нанесен позже, когда большая часть крови уже покинула организм через повреждение на груди.

– Зачем тогда надо было резать живот?

– Вот это самое интересное и непонятное. По предварительным данным установлено, что у убитого похищена золо-

тая цепочка с подвеской из бриллиантов.

– Женская, что ли? – удивился я.

– Отнюдь. Артурчик, как истинный цыганский барон, любил носить подобные украшения. Говорят, никогда не расставался с этой цепочкой, а сейчас ее нет.

– Получается, что мотив убийства – ограбление?

– Возможно, но это было бы слишком просто. Есть нестыковки.

– Какие?

– Шкатулка с остальными ювелирными украшениями не тронута. Хотя стояла на видном месте. А там перстни и браслеты. И, между прочим, тоже с камешками.

– Хм-м... Потерпевший таскал с собой «золотой запас» по гостиницам? Странно.

– Он жил здесь уже полгода. Считайте, что был как дома.

Надо же, вот уже второй пример такой интересной жизни. Какая все-таки блажь – в гостинице жить, дорого и неудобно.

– Вот как? Не думал, что работники театра столько зарабатывают. Пусть даже и Большого. Кто же он такой, черт возьми? И откуда у него цепочка с бриллиантами? Может, она была бутафорией? Как это – реквизит?

– Ювелирка подлинная. Ее стоимость равняется примерно цене десяти новеньких “Жигулей”.

– Ни хрена себе, – не стал я, в отличие от Черненко, вещавшего исключительно ровным голосом, скрывать своих эмоций. – Не по средствам жил товарищ Дицони.

– Это подарок его любовницы. С гостиницей тоже она договорилась.

– Кто такая?

– Галина Леонидовна, по нашим данным, занимается скупкой и перепродажей бриллиантов, в том числе за валюту.

– Ну так вот и ниточка. Нужно потрянуть эту Галину по полной, насколько я понимаю, она уже насобирала на себя кучу тяжких статей.

– Не все так просто, Андрей Григорьевич. Ее фамилия – Брежнева...

Глава 2

– Брежнева? – только сейчас до меня дошло, почему все так боялись произносить очевидные вещи вслух.

Еще по прошлой жизни я знал, что Галина Леонидовна имела во времена СССР скандальную известность, которую, естественно, старались ограничить определенными кругами. Благодаря эксцентричному поведению и своенравному характеру дочь генсека была тем яблоком, которое, вопреки бытующему мнению, упало от яблони очень далеко.

Похождения первой леди Союза активно обсуждались московским бомондом, но официально хроники бурной жизни непутевой дочери нигде не мелькали. Разве что в засекреченных материалах КГБ.

– Дочь Леонида Ильича? – я состряпал на лице удивление. На всякий случай. – Того самого?

Вдруг Черненко проверяет меня и подозревает, что я все-таки из будущего? Хотя это, скорее, моя паранойя. Но ведь был у меня уже однажды удивительный разговор, да и, как говорил товарищ Шилов, герой одного известного сериала про ментов: «Береженого бог бережет, а небереженого конвой стережет».

– Информация конфиденциальная, – понизил голос подполковник. – Сами понимаете. Просто я хочу, чтобы ваше расследование пошло в правильном русле.

– Конечно, понимаю. Только о Галине уже вся Москва гудит. Даже коридорный, что нас сюда провел, кажется, знает не меньше вашего. Если Артурчик – фаворит Брежневой, вряд ли можно ее подозревать в причастности к его смерти и тем более к краже подвески.

– Да, но, по нашим сведениям, Галина Леонидовна связана с некой группой, занимающейся скупкой и перепродажей бриллиантов.

– Бриллиантовая мафия? – выудил я термин из будущего. Так будут называть потом темные делишки Галины и членов семей высокопоставленных номенклатурщиков, связанные с ювелирными махинациями.

– Скажете тоже, – отмахнулся Черненко. – У нас в стране мафии нет и не было.

И не будет, чуть не сказал он. Ага.

– Не уверен. Алмазы советской огранки очень ценятся за рубежом. Что-то у вас есть на Брежневу? – спросил я, даже не надеясь, что ГБ-шник поделится такими сведениями.

– Немного, конечно. Скупает она бриллианты легально, в Столешниковом переулке в магазине «Алмаз».

– А сбывает как?

– Сбывает... Не совсем легально. Но это закрытая информация.

– Дайте угадаю, Алексей Владимирович, – для важности я даже лоб наморщил. – В окрестностях этого магазина «Алмаз» ошиваются подпольные скупщики драгоценно-

стей. Брежневой и ходить далеко не надо. Наверняка у нее среди такого контингента есть свои проверенные люди. Еще возможна и другая схема обогащения на камешках. На первый взгляд вполне себе законная. Цены на бриллианты у нас повышаются регулярно, примерно раз в два-три года. Решение об этом принимается на секретном заседании Политбюро. Но чудесным образом Галина узнает о повышении цен заблаговременно. Покупает ювелирные украшения в магазинах, а после возвращает их по завышенной, уже новой цене. Я угадал? А еще алмазы можно скупать до огранки – прямо на Московской ювелирной фабрике.

– Вы очень прозорливы, Андрей Григорьевич, – на лице Черненко отобразилось некоторое восхищение, которое он не смог скрыть. – Не надумали к нам перейти? Не надоело урками заниматься?

– Я пропустил службу в вооруженных силах. К вам мне дорога закрыта.

– Это все решаемо, вы же понимаете...

– Спасибо, но почему-то с детства мечтал стать милиционером.

– Мечта сбылась, – хитро улыбнулся подполковник. – Нужна новая.

Перейдя на шёпот, еле слышно добавил:

– Генсек совсем плох. Сердчишко шалит, да и возраст. Неровен час, отдаст богу душу. Тогда в стране настанет переломный момент. Сейчас ваше ведомство на коне, но в ско-

ром будущем все может произойти. Сами знаете, какие отношения у Щёлокова с нашим бывшим шефом, который, как вы знаете, уже пошел на повышение и в мае занял кресло секретаря ЦК КПСС.

– Вот как настанет переломный момент и это самое будущее, тогда и подумаю, – я не стал напрямую отказываться.

Лучше уж быть союзником тех, чей руководитель скоро займет главный пост в стране. Пусть считают, что я в раздумках, так и мне спокойнее.

– Андрей Григорьевич! – меня окликнул выглянувший из 413-го номера Горохов. – Вы нужны на осмотре. Пройдите сюда.

И очень вовремя, как чувствовал.

– Вас начальник зовет, – Черненко, сухо улыбнувшись, протянул мне руку, – До свидания. Передавайте привет отцу. Давненько про него не слышно. Это радует.

– Сплюньте, – я пожал ладонь. – Надеюсь, он остепенился.

– Горбатого могила исправит, – покачал головой Черненко. – Я, честно вам скажу, много видел. Вы присматривайте за ним. Уж очень он неугомонный человек и радикальный журналист. Таких у нас не жалуют.

– Спасибо за предостережение. До свидания.

Мы попрощались, и я вошел в номер. Тело убитого уже перевернули на живот. Катков марал дактилоскопической кисточкой мебель и предметы обстановки, Погодина не было (пошел, видно, по оперскому плану работать), Света стояла

тихонько в углу и наблюдала за происходящим. Но вид у нее был далеко не праздный. Пытливый ум прокручивал версии на основе психологических “фишек”.

Я одного не мог понять – почему вдруг все в таком напряжении. Что тут без меня обнаружилось? И тут заговорил один из специалистов.

– Обратите внимание, – профессорского вида судмедэксперт в неестественно белоснежном, будто накрахмаленном, халате указал на спину убитого, которую усеяли красные борозды. – Кровоподтеки свежие, нанесены прижизненно, примерно в один период со временем смерти. То есть около десяти-пятнадцати часов назад.

– Его что, розгами били? – вытаращился Горохов, оторвавшись от протокола осмотра. – Следы, будто его высекли.

– Посмотрите, – судмед провел пальцем в перчатке по спине трупа. – Некоторые линейные следы образуют группы и ложатся как бы веером. Это напоминает удары многохвостой плети. Как минимум с пятью концами.

– Бл*ха, – не сдержался Никита Егорович. – Его что, пытали?

– Похоже на то... Но удары не слишком сильные. Ведь целостность кожных покровов не нарушена. Крови на спине нет.

– Но все же его били? – вмешалась Света.

– Да, но следы могли остаться и от не слишком чувствительных ударов, – продолжал «профессор». – Это все инди-

видуально для каждого организма.

– Как это? – спросил Горохов.

– Все зависит от эластичности стенок сосудов, от свертываемости крови, от факта приема гормональных препаратов и даже от состояния и функционирования печени. Вскрытие покажет. Исследования мы проведем по полной.

– Куда экспертизу назначать? – спросил Горохов. – В какое учреждение?

– В НИИ судебной медицины минздрава СССР.

Значит, я не ошибся. Не простой это судебный медик оказался. Как пить дать – профессор.

– Вот еще, – продолжал эксперт. – Обратите внимание. На запястьях тоже имеются кровоподтёки. Будто руки связывали при жизни. Ну или надевали наручники.

– Похоже, что парня убивали долго и мучительно, – задумчиво пробормотал Горохов, обгрызая кончик авторучки. – Скорее всего, пытали... Но зачем? По предварительным данным, ничего, кроме бриллиантовой подвески, не похищено. А тут ещё осталось столько всего. Значит, это не ограбление.

– Или убийца шел именно за подвеской, – предположил Катков, оторвавшись от обработки журнального столика дактилоскопической кисточкой.

В этот момент он был похож одновременно на маляра и на трубочиста, так как умудрился перемазать черным порошком лицо и руки. Но не обращал на это никакого внимания, ушел с головой в работу – в буквальном смысле этого слова.

– Возможно, что так, – кивнул Горохов. – Что там у тебя, Алексей, есть пальчики?

– Полно, Никита Егорович, только вопрос – чьи они... Труп я откатаю, проверю. Отсею лишние. Но тут есть несколько следов, оставленных явно женскими пальцами. Отпечатки четкие. Папиллярные линии аккуратные, тонкие, кожа явно без мозолей. Руки не видели физической работы. Похоже, что к нашему убитому в гости заходила аристократка.

Дьявол! – ругнулся я про себя. Надеюсь, это отпечатки не Галины. Иначе нам явно не поздоровится. Хотя даже если и ее. В базе пальцев дочки Брежневой сто процентов нет – и вряд ли кто-то позволит нам ее вызвать на допрос, да к тому же дактилоскопировать. Принцесса сейчас неприкасаема. Наслаждается кутежом, любовниками и дорогими бриллиантами. Жизнь в Голливудском стиле. Но она еще не знает, что после смерти отца все в одночасье рухнет. А жизнь она закончит, страдая от алкоголизма в девяностых – нищей в психиатрической больнице.

Я пошарился по комнатам. Осмотрелся. Номер аккуратный, ухоженный, окна выходят на Васильевский спуск, с видом на Красную площадь и собор. Но обстановка как в дешевом мотеле, хотя тут как посмотреть – на сегодняшний день для непритязательного советского гражданина трёхзвёздочная гостиница может показаться очень даже шикарной. Все-таки в номерах «России» по-домашнему уютно.

– Андрей Григорьевич! – позвал меня Горохов, увидев, что я брожу с озадаченным выражением на лице. – Что, есть мысли?

– Много странностей, – ответил я, не переставая мерить комнаты шагами. – Порядок не нарушен. Даже постельное не сбито. Если его пытали, хоть что-то должно об этом говорить. Например, разбитая кружка. Перевернутый стул, на худой конец. Следов борьбы нет совсем. Как театральная постановка, где экономят время и деньги на реквизите.

– Что ты хочешь этим сказать? – Горохов заинтересованно на меня уставился.

– Такое ощущение, что потерпевший знал убийцу. Спокойно впустил его в номер. Дал себя связать. Высечь какой-то плетью. При этом не орал, кляпа нет, а криков никто не слышал. А потом дал себя прирезать.

– Бред какой-то... – пробормотал Горохов.

– Вот и я так думаю.

В номер залетел запыхавшийся Погодин, следом за ним два МУР-овских опера.

– Никита Егорович! – выдохнул Федя. – Есть свидетель! Подняли вчерашнюю смену, администратор видела, как около полуночи Дицони вошел в гостиницу с какой-то дамой.

– А почему нам об этом не сказали сотрудники милиции и доблестные смежники в штатском, что тоже вчера дежурили?

– Нам об этом говорили, – вмешался один из приданных

оперов в кепке-хулиганке. – Но никто из них дамочку эту не запомнил. Видели ее издалека.

– Как так? – возмутился Горохов. – А для чего тогда на входе столько стражников? Дармоеды...

– Артур Дицони, – продолжал оперативник, – проживал на особых правах. Его гостей не регистрировали и даже позволяли им оставаться после 23-х часов. Он частенько появлялся в гостинице с девушками. Всегда с разными. Поэтому на него уже никто не обращал внимания. А администратор была новенькой, работала недавно и остановила парочку. Дицони ее отчитал и даже пригрозил увольнением. Дескать, таких уважаемых постояльцев, как он, надо знать в лицо и выполнять негласное правило гостиницы – не досаждать ему и его гостям глупыми вопросами. Вот она и запомнила его спутницу.

Картина вырисовывалась интересная.

– А наш Артурчик был не промах, – задумчиво проговорил следователь. – Настоящая звезда. Что насчет его спутницы?

– Администратор говорит, что дама одета была вызывающе. Очень короткая юбка, как она выразилась, не слишком отличалась от широкого пояса. Туфли на шпильке такой, что росту ей в полголовы добавляли. Макияж, как боевой раскрас индейца. Но в целом дама ухоженная и с виду одета в шмотки недешевые, скорее всего, заграничные.

– Отлично, везите свидетельницу ко мне в кабинет на Пет-

ровку, здесь закончим и там с ней побеседуем. Фоторобот составим, пока помнит все...

– Есть, – оперативник кивнул (Горохова уважала и знала вся Петровка) и вместе с напарником вышел из номера.

– Похоже, что убитый пользовался услугами элитных проституток, – высказала предположение Света.

– С чего вы так решили? – вскинул на нее бровь Горохов.

– Тогда нестыковки, что обнаружил Андрей – сходятся. Никто убитого не пытал. Он развлекался с продажной женщиной. Игры такие у них.

Однако! Честно сказать, не ожидал я такого услышать от Светы. А спокойно как говорит, загляденье.

– Какие такие игры? – Горохов с интересом уставился на Свету. – С пытками?

– Это не пытки, а так называемое сексуальное доминирование. Сейчас я объясню, чтобы было понятно. Убитому в жизни не хватало некой госпожи. Тогда версия Андрея вполне объяснима. И потом, не просто же так труп абсолютно голый. Явно прослеживается сексуальный подтекст.

– Вы хотите сказать, что проститутка причиняла боль потерпевшему? Но зачем? Он что? Мазохист?

Горохов был здорово сбит с толку.

– Скорее всего, да. Возможно, причина кроется в психической травме, пережитой в детстве. Подчинение, переживание боли, унижения становится единственным понятным способом получения любви и связанного с ней удовольствия.

Светлана так и выдала все это ровным лекторским голосом, но потом всё-таки тихонько выдохнула. Не слишком удобно даме мужчин в таких вот вопросах просвещать, даже если она – эксперт по потёмкам человеческой души.

– Хм-м... – Горохов поскрёб затылок. – Какая неординарная личность этот товарищ Дицони. Значит, ищем проститутку. Найдем ее и закроем дело.

– Я бы не рассчитывал на быстрое раскрытие, – я снова внес свои «три копейки». – Сомневаюсь, что проститутка убила артиста.

– Почему? – поморщился Горохов, словно негодуя, что я помешал и забрил его такую правильную следственную версию. А главное – такую короткую в плане сроков ее реализации. Мечта следака, а не версия.

Я вздохнул и стал загибать пальцы.

– Во-первых, проститутка бы не ограничилась кражей одной подвески, а прихватила бы с собой перстни и браслеты тоже. Во-вторых, удар смертельный и нанесен в сердце. Точный. Какова глубина раневого канала? – спросил я судмеда.

– Около двадцати сантиметров. Точнее определим на вскрытии.

– Получается, что удар был довольно сильный. По-мужски твердый?

– Похоже на то, – кивнул профессор.

Казалось, ему нравится наш спор и то, что он в нём участвует.

– Может, эта женщина в прошлом спортсменка, – не уни-
мался Горохов. – некоторые наши олимпийские чемпионки
любого мужика за пояс заткнут.

– Ну, на олимпийских чемпионках не будем клеветать. Но
даже если предположить, что женщина эта подготовленная
и убила Артурчика, когда он был связан. То зачем тогда по-
сле заморачиваться и снимать путы с его рук? Следы же все
равно остались.

– Хм-м... – кивнул следователь. – Логично.

– И самое главное, – для важности суждения я даже под-
нял указательный палец вверх. – Зачем вспарывать живот?
Ведь, фактически, Дицони был уже мертв...

Глава 3

Администратор гостиницы «Россия» Евгения Иванова, молоденькая девушка с неброской и простоватой внешностью русской Аленушки, вжалась в стул в кабинете Горохова и хлопала на нас испуганными глазенками.

– Что вы так волнуетесь? – Никита Егорович участливо посмотрел на нее. – Чаю хотите?

– Нет, спасибо, – ответила та, слегка заикаясь.

– Еще раз расскажите о вчерашней встрече с Артуром Дигони и его спутницей. Вы все как-то сбивчиво говорите. Я мало что понял.

– Постояльца я этого не знала... Не хотела пускать его гостью. У нас после одиннадцати посетителям нельзя. А мне не передавали... Он поднял скандал. Пришел старший администратор и велел пропустить их.

Кулачки на ее коленях сжались. И так девчонке непросто, а тут еще Никита Егорович, будто строгий учитель, требует связности.

– Что было дальше?

– Часа через три эта дама выскочила из гостиницы, ну... Как ошпаренная.

– Посмотрите, – Горохов разложил на столе фотографии молодых, но уже изрядно потертых жизнью женщин. – Она есть среди них?

Фотографии проституток нам оперативно предоставили конторские. Даже запрос не пришлось делать. Один звонок нашему руководству, и оно порешало вопрос с руководством КГБ. В эти времена почти все жрицы любви (а в особенности их элитная прослойка, что трудилась исключительно за валюту), что хоть как-то имели отношение к гостиницам, находились под плотным колпаком у КГБ. Через путан тысячами проходили частые зарубежные гости нашей страны. Оперативное кураторство иностранцев осуществлялось через агентурную сеть из девиц легкого поведения.

– Нет... Никого не узнаю, – администратор вздыхала и, зажевав губу, старательно разглядывала фотографии.

– Вы не торопитесь, – Горохов нахмурился и закурил, – Посмотрите внимательнее.

– Тут они, как это сказать, в обычном виде. А многие и вовсе не накрашенные. Да и фотографии черно-белые, – оправдываясь, пожалала плечами Иванова. – А та была яркая. Вызывающе красивая.

– Красивая?

– Не знаю... Но она точно не из простых. Видна порода. И одежда явно импортная. Такую за рубли не купишь.

– А вы разбираетесь в заграничных вещах? – голос Горохова стал вьедливым.

– Не так чтобы очень... Но я же администратор. Много приходится общаться с иностранцами.

– Вы же, вроде, недавно работаете, – Горохов уставился на

Евгению с подозрением. – Что-то вы не договариваете. Мы это выясним в любом случае. Даже если придется перевернуть всю гостиницу. Подумайте. Стоит ли нам врать?

– Я не хотела. Я недавно там, – Иванова вдруг всхлипнула и уткнулась носом в мятый платочек, что перебирала пальцами.

Я осторожно перевел взгляд с нее на начальника, а потом обратно.

– Рассказывайте... – холодно проговорил следователь.

Администратор совсем сникла:

– Мне сказали, что по-другому работать нельзя, иначе меня уволят. Что здесь так принято. Если хочешь нормальной жизни, то не стоит отрываться от коллектива и идти против него.

Я постарался не хмыкать вслух. Конечно, можно было догадаться, что не все в этой цепочке оказывались там так уж охотно.

– Конкретнее, – командовал Горохов.

– Я просто передавала нужным иностранцам сумки, которые мне приносила старший администратор.

– Что было в сумках?

– Я не знаю. Но... Один раз расстегнула молнию. Там оказались банки с осетровой икрой.

– И все?

– Да...

– Какое это отношение имеет к Дицони? Ему вы тоже что-

то передавали? Или он вам?

– Нет.

– Тогда к чему эта исповедь? – странно, но с этой девочкой Горохов как будто терял терпение, потому казался такой холодной глыбой.

А ведь ее надо было просто выслушать.

– Я просто... Подумала, что меня из-за этого вызвали.

– Ясно, – Горохов разочарованно вмял окурок в бронзу пепельницы. – Милая девушка, нас не интересует спекулирующая черной икрой и другим дефицитом. Мы расследуем убийство. Помогите нам, и мы вас отпустим.

– Вы не будете меня арестовывать? – глазки Ивановой заблестели, а в голосе появилась надежда.

– Этим пусть ОБХСС занимается. Или КГБ. Иностранцы – их профиль, не наш. А вы просто помогите нам найти вчерашнюю посетительницу номера 413.

– Да я бы рада, но все уже рассказала, – Евгения сложила на груди руки, будто собиралась помолиться.

В кабинет постучали. Горохов не успел крикнуть дежурное «войдите», как дверь бесцеремонно распахнулась, и на пороге появился Черненко.

– Добрый день, товарищи, – улыбнулся он с хитринкой. – Как продвигается расследование?

– Работаем, Алексей Владимирович, – кивнул Горохов с некоторым удивлением. – Спасибо вам за фото ваших подопечных, но пока никого не опознали. А вы какими судьба-

ми?

– Вот решили помочь коллегам, – подполковник выглянул в коридор и приказал. – Пащенко, заводи.

Молодой мужчина в штатском появился в проеме и подтолкнул впереди себя сгорбленную девушку в легком летнем костюме «юбка плюс блуза» в один тон. Смотрелся костюмчик элегантно, но как-то не сочетался с затравленным видом посетительницы.

– Это она, – пробормотала вдруг администратор, глядя на девушку и тыча в нее подрагивающим пальцем. – Вчера была в гостинице... С Дицони вместе.

– Спасибо, Евгения, вы свободны. Из города попрошу не уезжать, ходите как обычно на работу и будьте на связи. Если нам понадобится, мы вас еще вызовем, – Горохов торопливо выпроводил Иванову за дверь, всучив ей подписанный пропуск.

Та, не веря своему счастью, поспешила убраться, выпорхнула в коридор, даже дверь за собой не закрыла.

– Знакомьтесь, товарищи, – Черненко пропустил напарника с женщиной вперед и прикрыл дверь. – Луцкая Алевтина Петровна, шестидесятого года рождения. А в профессиональных кругах известна, как Марго.

Я с удивлением уставился на гостью. Двадцать два года ни за что бы ей не дал. Ее природная привлекательность скрадывалась изможденными чертами лица. Кожа с нездоровым пепельным оттенком. Она смотрела на нас исподлобья, чуть

ссутулившись, как затравленный зверек, который может еще и куснуть.

– Спасибо, Алексей Владимирович, за помощь. Чем обязаны такой поддержке? – Горохов продолжал недоверчиво смотреть на ГБ-шника.

– Общее дело делаем, Никита Егорович, – уклончиво ответил тот. – Если не раскроем, достанется всем. Так что принимайте Марго. Мы с ней уже немного побеседовали, молчит пока, но я в ваших профессиональных навыках не сомневаюсь. Вот ее паспорт, так что работайте, товарищи, а мы пойдем. До свидания.

– До свидания, до свидания – Горохов довольно потирал руки.

Дверь за конторскими захлопнулась, и Марго, насупившись, осталась стоять одна.

Света, Катков и Погодин с интересом разглядывали проститутку. При свете дня и без «рабочего» раскраса она никак не тянула на «элиту» своей профессии и сейчас не выглядела породистой.

– Присаживайтесь, Алевтина Петровна, – лыбился Горохов. – Или как вас лучше называть? Марго?

– Марго я для клиентов, – огрызнулась девушка прокурренным голосом.

– Ну, клиентов, судя по всему, вы нес скоро увидите. Возможно, вообще никогда. Вас опознала администратор гостиницы. Рассказывайте.

– Я уже говорила, что не убивала Артура... Я просто вошла с ним в гостиницу. Он помог мне пройти. Меня ждал клиент.

– Какой клиент? Из какого номера?

– Мы имен не спрашиваем, а номер я не помню. Там тысячи номеров, и почти все одинаковые. Мы встретились с ним возле лифта, в южном корпусе на втором этаже.

– Хм-м... – Горохов нахмурился, – а я смотрю, вы всегда с гдатай «России».

Следователь кивнул Каткову:

– Алексей, откатай ей пальчики.

Конечно, дактилоскопировать ее можно было бы и после допроса, да и, наверняка, пальчики ее есть уже в базе, но Горохов избрал верный психологический прием. Человек попал в милицию, ему и пальцы откатали, как жулику, и допрашивать стали. Невольно создается чувство безысходности, если рыльце в пушку, то это нам только на руку.

В том, что Марго врет, я не сомневался... Как говорится, не вчера родился. Только пока не понимал, к чему эти игры? На убийцу она явно не похожа. Я ещё раз внимательно осмотрел путану. Руки у нее трясутся. От страха? Вид болезненный, будто с похмелья.

Катков отточенными движениями разложил на столе бланк дактилокарты, квадратик стекла с застывшими слоями «ваксы», тубик с краской. Раскатал валиком по стеклышку тягучий «мазут».

– Дайте вашу правую руку, – не дожидаясь согласия, Катков бесцеремонно взял кисть проститутки и профессиональными движениями стал мазать подушечки пальцев взмахами валика от сгибов к кончикам.

После прокатал фалангу по бумаге, поморщился:

– Что-то у вас, гражданка Луцкая, пальцы влажные. Вроде не жарко сегодня. Волнуетесь?

– А я всегда волнуюсь, когда ментов вижу, – огрызнулась Алевтина. – Не люблю я вас.

– А нас любить никто не заставляет, – парировал Горохов, хотя по должности был вовсе не милиционером, но под слово «мент» справедливо подвел всю правоохранительную братию. – Вчера убили Артура Дицони. Вы главная подозреваемая.

– Да не убивала я! – дернулась путана, смазав отпечаток на дактилокарте.

Катков снова поморщился, но стоически продолжал откалывать подопечную, вцепившись в ее кисть, как коршун в добычу.

Когда он закончил, я встал:

– Никита Егорович, я провожу гражданку руки помыть.

– Добро, – кивнул тот. – Разговор у нас с ней предстоит долгий...

Я вывел Луцкую в коридор и проводил до уборной. Внутри вошел вместе с ней. Открыл кран умывальника.

Та брезгливо потрясла руками подняв кисти чуть вверх,

пытаясь откинуть рукава блузки к локтям.

– Давай помогу, – я ухватил рукава и оттянул их повыше, заголив руки больше, чем надо.

Бегло осмотрел руки. Так я и думал...

Луцкая мусолила землистого цвета кусок мыла. Дакто-краску без губки хрен ототрешь, а на раковине таковой не оказалось. Путана с остервенением шоркала ладони хозяйственным мылом. После пятого раза пальцы ее уже не были как у папуаса, но все равно напоминали персты бывалого слесаря-моториста.

– Хватит, – я крутанул барашки крана, перекрывая воду.

– Это что? Теперь не отмоешься? – вытаращилась на свои руки Алевтина.

– Через месяц само сойдет, – подковырнул я. – Пошли.

Мы зашли в кабинет. Катков уже корпел над следами рук, что изъяли при осмотре гостиничного номера, сличая их со свежеиспеченной дактокартой. Работал, не отходя от кассы.

– Продолжим, – Горохов впился взглядом в Луцкую, – В ваших интересах, Алевтина Петровна, с нами сотрудничать... Мы терпеливые. Не захотите рассказывать сегодня, повторим вопросы завтра и послезавтра. О чем вы разговаривали с Дицони? Где вы его встретили, почему он вам помог пройти внутрь?

– Встретились на крыльце гостиницы, – уклончиво ответила проститутка. – Я попросила его помочь.

– Насколько я знаю, такие как вы вхожи в «Россию» без

всяких провожатых. Ведь так? Это легко проверить. Вы просто тянете время, мы все равно узнаем правду.

Я подошел к Каткову, тот пыхтел, склонившись над столом, что приткнулся в углу, и рассматривал в криминалистическую лупу завитушки папиллярных узоров.

– Ну что? – тихо спросил я его, чтобы никто из присутствующих не услышал. – Есть ее пальчики?

Тот со вздохом оторвался от лупы и покачал головой:

– Не её это следы.

– А чьи?

– Там чьи угодно могут быть. Даже недельной давности могли сохраниться, на предметах, которые горничная не протирает.

– Никита Егорович, – с торжествующим видом я распрямился. – Есть совпадение!

Катков с удивлением на меня уставился, раскрыл рот и уже хотел ляпнуть лишнего, но осекся и промолчал, когда я кинул на него хмурый взгляд.

– Пальцы в номере Дицони оставлены гражданкой Луцкой.

– Замечательно, – Горохов отбил короткую барабанную дробь по столешнице и снова впился взглядом в допрашиваемую. – Что вы на это скажете?

– Я не знаю, – растерянно пробормотала та, – это ошибка...

– Криминалистика – наука точная, – торжествовал Горо-

хов. – Ошибки быть не может...

Луцкая съежилась и облизнула пересохшие губы:

– Я не была в номере Артура.

– Вот как? – сощурился следователь. – Однако, называете его по имени, как старого знакомого... Правду говори!

Бум! – Горохов стукнул кулаком по столу.

Луцкая и Катков вздрогнули.

– А зачем нам ее показания, Никита Егорович? – вмешался я. – Доказательств и так достаточно. Пальчики на месте преступления ее. Администратор видела их вместе в холле. Потом видела, как Маргоша пулей выбегает из гостиницы. Куда бы ей бежать? Оформляйте постановление об аресте, думаю, прокурор подпишет санкцию.

– Мне нельзя в камеру, – пробормотала путана, борясь с дрожью в руках. – Я не могу... Я не убивала.

– Говори правду, – я резко подошел к Луцкой и бесцеремонно заголил рукав блузки на правой руке, обнажив синюшные, истыканные иглой вены. – Иначе ты в камере долго на протянешь. У тебя ломка... Без дозы не выживешь. Если скажешь правду, есть шанс выйти под подписку. Или вообще пройдешь как свидетель.

– Я не могу сказать...

– Тогда пойдешь как основная подозреваемая... А так можешь выжить. Взяться за ум. Пролечиться от зависимости, – я уже говорил голосом ровным и спокойным, даже немного доброжелательным. – Тебе решать. Что выбираешь? Мучи-

тельную смерть в СИЗО или шанс на жизнь?

– Я скажу, все скажу! – вдруг зарыдала Луцкая. – Но я правда не убивала. Это был человек с горящими глазами.

– Так! Какой человек? – оживился Горохов. – Что значит – с горящими?

– Я не знаю... Его взгляд. Будто прожигал. Мне показалось, что глаза горят.

– Подробнее.

– Наши развлечения с Артуром были в самом разгаре, когда в дверь кто-то постучал. Я просила его не открывать, но он сказал, чтобы я посмотрела, кто там.

– Почему он сам не открыл? – спросил с подозрением Горохов.

– Он был связан. И голый, – как будто говоря о простых и обычных делах, пояснила она, и только потом спохватилась: – Нет! Не подумайте... Он сам попросил его связать. Любил, когда я это делала.

– И плеткой просил отходить? – хмыкнул следователь.

– Да-да. Я обернулась в полотенце и открыла дверь. Была ночь. В проеме передо мной вырос черный силуэт. Он с силой втолкнул меня внутрь и захлопнул дверь. Закрыв ключом изнутри и сунул его себе в карман. Я хотела закричать, но увидела его взгляд. Он будто прожигал... Слова застыли в горле. Я поняла, что, если закричу, он меня просто уничтожит. В его руке блеснул нож, он прошел в комнату и ударил им лежащего на кровати Артура. Тот даже вскрикнуть

не успел... Потом что-то еще с ним сделал, кажется, порезал тело. Я не видела. Все как в тумане.

– Гипноз, что ли?

– Не знаю... Я еще под дозой была. Плохо соображала.

– Потом что было? – Горохов настороженно (как, впрочем, и все мы) и жадно ловил каждое слово.

– Он ушел. Как смерч. Так же быстро, как и ворвался. Я была в ужасе и сперва подумала, что это был и не человек вовсе. Демон.

– Как он выглядел? Что говорил?

– Ничего не говорил, ему не нужны были слова. Он угрожал одним взглядом. Я почувствовала себя беззащитным кроликом рядом с коброй. Вы не сможете понять.

– Как выглядел?

– Я не знаю... Я не помню.

– Как так?

– Сама не пойму... От ужаса или чего-то еще. Я даже не поняла, в чем он был одет. Во все темное, кажется... Но это не точно. А лица не разглядела. Ночь, и мы с Артуром свет не включали, нам-то он зачем. В номере полумрак был. И в коридоре почему-то тоже. Будто лампочка перегорела.

– А куда делась подвеска? Бриллианты на золотой цепочке, с которой Дицони не раставался. Думаю, вы прекрасно знаете это украшение.

– Убийца прихватил ее с собой. С журнального столика.

– Вы же говорили, что он ушел стремительно?

– Я просто сейчас вспомнила. Да, точно... Он схватил ее и скрылся.

– А как он ее так быстро нашел на столике? – не унимался Горохов. – Было же темно...

– Я не знаю. Говорю же. Он будто демон был.

Взгляд Горохова подтвердел ещё больше, если только это было возможно.

– Не верю я в байки про демонов и всякую нечисть. Придется все-таки, гражданка Луцкая, вам здесь задержаться надолго.

– Нет... Меня нельзя в камеру. Я не выдержу!

– Где подвеска? – ледяным голосом проговорил следователь.

– Это я ее взяла.

– А как же демон? Выдумали?

– Клянусь, это правда. Он ушел, а я, пока одевалась, вроде бы в себя пришла. Схватила украшение со столика и решила бежать. Чтобы на меня не подумали, сняла путы с рук Артура. Он весь в крови лежал. Застыл, но был еще теплый. Меня чуть не вырвало.

– Зачем взяли подвеску?

– Вам не понять, – повторяла Луцкая.

– Ну?

– Надоела такая жизнь... Думала сначала все начать.

– А почему сразу не рассказала все?

– Потому что вы же меня сейчас за кражу посадите... Да и

за подвеску эту, чувствую, еще аукнется мне. Ведь все знают, кто ее Артуру подарил.

Она сжала губы, как будто мечтала вернуть все сказанное обратно.

– В общем, так... – Горохов поднялся со стула и стал задумчиво мерить кабинет шагами. – Сделаете как я скажу, и обойдемся без кражи.

Глава 4

– Сейчас проедем к вам домой, вы отдадите подвеску, а мы оформим ее как добровольную выдачу. Заявления о краже нет, соответственно, и дела возбуждать не будем.

– А что взамен? – насторожилась путана.

Она давно уже поняла, что в этой жизни ничего просто так не делается, и теперь смотрела на нас колким волчьим взглядом.

– Будете оказывать нам содействие в расследовании убийства, – хитро улыбнулся следователь.

– Я?

– Ваш профессиональный круг общения, возможно, будет для нас полезен. Посплетничайте с «напарницами», может, кто-то слышал про Артурчика что-нибудь интересное. Про его делишки, чем жил, чем дышал. Про врагов и недоброжелателей. Я так понимаю, он часто пользовался услугами таких как вы. Только не понимаю, зачем. Мужчина видный, артист. Поклонниц и так должно быть воз и маленькая тележка.

Луцкая хмыкнула – хотела, наверное, незаметно, но вышло громко, разве что не нарочито.

– Поклонниц у него много было, это правда, – кивнула Алевтина. – Только Артур боялся с ними дело иметь. Им любовь подавай до гроба. Если что не так, то ославить его

могут на всю Москву. А если слухи до Галины дойдут, то она его вмиг уничтожит. Частенько его своей ревностью изводила. Бывало, оставляла его на голой театральной зарплате на целый месяц.

– Кошмар, – закивал Горохов. – Целый месяц на зарплате. Бедный Артурчик.

– А мы не гордые, – продолжала путана, пропустив мимо ушей колкость. – Мы язык за зубами умеем держать, когда клиенты к нам со всей душой и с деньгами. Думаете, только такие как Артур к нам заходят? Знаете, сколько мы номенклатуры перебрали?

– Обмельчали партийцы, – скривился Горохов.

– Да и не только они, – улыбнулась путана. – Вашего брата тоже хватает. Прокуроры и менты высокопоставленные.

Кажется, эти откровения доставляли ей истинное удовольствие. Света бы тут сказала про какую-нибудь компенсацию или сублимацию, ну а мне просто казалось, что Луцкая пыталась всех вокруг обмазать грязью, чтоб самой не выгладеть очень уж чумазенькой. Известная человеческая хитрость.

– Ну так что, Алевтина? – Горохов вернул разговор в прежнее русло. – Договорились? Будем сотрудничать?

– А вы точно не обманете?

– У вас выбора нет, но, если будете нам помогать, слово я сдержу. А когда поймаем убийцу, вы поможете его опознать.

– Я же говорю, что даже не разглядела.

– Но глаза-то вы запомнили?

– Это да... – Луцкая передернула плечами и поежилась. –

Но вряд ли такого можно поймать.

– Это вы нам оставьте, – прищурился следователь, – каждый должен заниматься своим делом... Если понадобится, будете по зенкам узнавать.

– Это как? – опешила девица.

– Пока сам не знаю, но что-нибудь придумаем.

– Я согласна, – еле слышно пробормотала задержанная.

– Вот и славно, – потирал руки Горохов. – Андрей Григорьевич, собирайся за подвеской.

* * *

По просьбе Горохова МУР отрядил нам в помощь десятков оперативников, чтобы отработать гостиницу «Россия». Опросили всех, от горничных до начальников отделов и их заместителей. Прошлись по постояльцам соседних номеров и завсегдатаев гостиничного ресторана. Но никто ничего не видел и не слышал. Дело осложнялось тем, что примет преступника не было. Ведь не будешь всем рассказывать про гипнотические глаза, увиденные в наркотическом “приходе”.

Черненко тоже подключил своих людей. Нередко, опрашивая кого-то, мы натыкались на недоуменные возгласы, что, дескать, они уже только что рассказали все сотрудни-

кам в шатском. Алексей Владимирович рьяно взялся за дело. Вроде не его стезя. Либо на него сверху надавили, либо он не хотел пускать ментов на свою территорию без присмотра. Ведь в гостинице номер один всяя СССР частенько приключалась масса нештатных и курьезных ситуаций, о которых официально говорить было совсем не принято. Именно там порой пересекались интересы государства и криминала. Высокоставленных партийных работников и теневиков. Отсюда постоянный интерес со стороны противоборствующих МВД и КГБ. А уровень ответственности высок, ведь гостиница стала маленьким городком, этакой крепостью посреди Москвы, постоянно встречающей и провожающей высокоставленных чиновников из-за рубежа, иностранных туристов и знаменитостей.

Шерстили «Россию» днем и ночью, работая со сменами обслуживающего персонала, заступавшими вечером. Отработали также и круг общения Артура в Большом театре.

Мы с Погодиным тоже навестили театр – старались застать его художественного руководителя. Кабинет его оказался на четвертом этаже, куда мы добрались витиеватыми коридорчиками с красными дорожками. Окон нет, свет от настенных канделябров создавал атмосферу далекого прошлого, будто попал в девятнадцатый век. Но двери кабинета оказались по-советски просты и непритязательны. Еще висевший рядом плакат с красным шрифтом типа «молот», «Уходя, гасите свет» выбивала из антуража.

На двери табличка на шурупах: «Художественный руководитель Чернопольский Валентин Савельевич».

Я постучал и открыл дверь:

– Можно?

Из глубины кабинета послышалась возня, будто кошек застукали на хозяйском столе. Только звона тарелок не хватало.

– Минуту! – ответил мне испуганный мужской голос.

Но было поздно, я уже вошел. Кабинет был неправильной формы, напоминал ход шахматного коня, то есть закуток с загибом уходил за угол. Оттуда и слышно шебуршание, женский вздох, бряцание пряжки ремня наспех натянутых брюк.

Я понял, что совсем не вовремя, но сами виноваты, замыкаться надо.

– Я в коридоре подожду, – крикнул я и потащил к выходу тарасившегося во все глаза Погодина.

Закрыл за собой дверь. Через некоторое время из кабинета выпорхнула растрепанная балерина. Скользя по нам виноватыми глазками, ланью поскакала прочь, трясая слоями белоснежной пачки, как страус перьями.

– Входите! – послышался из глубины кабинета голос.

Дубль два. Вошли снова. Кабинет увешан огромными фотографиями из сцен «Садко», «Спящей красавицы» и прочих «Щелкунчиков». За столом, уставленным статуэтками, развалился худрук. Взгляд ленив, будто только отобедал и его в сон клонит. Но грудь вздымается, как после стометров-

ки.

На вид лет сорок, очёчки круглые и хохолок начесан. Стоит на лаке, наверное. Хотя сейчас немного сбит, после «поединка» с балериной. А так – вылитый Грибоедов, как его нам в учебниках изображают.

Завидев нас, товарищ Чернопольский с облегчением выдохнул и перестал прикидываться валежником, поправил перекосенный галстук:

– Вы кто, товарищи?

– Милиция, – корочки я доставать не стал, худрук и так был рад, что не начальство к нему в такой момент неподходящий нагрянуло. – Хотим вам задать несколько вопросов по поводу Артура Дицони.

– Ах, этот Дицони! – всплеснул руками «Грибоедов». – Этот бездарь, наконец, нас покинул навсегда! Простите, товарищи. О мертвых либо хорошо, либо никак, но я всегда говорил директору, что это была плохая идея – брать в основной оперный состав человека с непонятным баритоном и проблемами ритмики.

– А по мне, так все оперные певцы поют одинаково, – ухмыльнулся Погодин. – Слов никогда не разберешь. Будто не на русском. Особенно женщины непонятно поют.

– Что вы понимаете, молодой человек? – всплеснул руками Чернопольский. – Оперный голос – это искусство и сила. Во время выступления ему нужно перекрыть целый оркестр. И огромный зал без микрофона наполнить. Вы представляе-

те? Какая мощь! Просто исполнительницам приходится модулировать свой голос, прибегая к резонансу для усиления звучания в верхнем регистре так, что все гласные становятся похожими одна на другую. Это школа.

– Ну я же говорю, – кивнул Федя. – Ничего не понятно. Особенно по радио.

– Слушать оперу в приемнике – это кощунство. Вы приходите к нам на спектакль, у нас прекрасная “Тоска” сейчас, а какие декорации, собор какой! Художник мне всю кровь за него выпил, но собор вышел, что надо.

– Давайте к делу, – прервал я спор о высоком. – Валентин Савельевич, расскажите все об Артуре. Чем жил, чем дышал. С кем общался.

– Театром не жил он, это точно, – по-дирижёрски взмахнул руками тот. – Этому хлыщу было абсолютно наплевать на то, что его удостоили чести работать бок о бок с такими корифеями сцены, как Григорьев и Ведерников. У нас народные артисты, а не табор.

– Зачем же вы его взяли?

– Это было указание, вы понимаете, оттуда, – понизив голос, худрук ткнул пальцем в потолок. – Говорят, он знаком с Галиной Брежневой. Прихоть у нее такая была, чтобы Дицони выступал на большой сцене. Хотя сам он к этому совсем не стремился – у нас ведь пахать надо, вы понимаете, а у него даже не бас, чтобы вот так, в расслабленной манере. Да, что я вам говорю. Я думаю, он даже бы уволился, но, видно, не

только нас обязали...

– А общался он с кем?

– Да ни с кем. Цацки дорогие любил и девочек.

– Ну, девочек любить – не порок, – улыбнулся я. – Многие этим грешат. Сами понимаете.

– Ах, оставьте пустые домыслы, – прижал руки к груди Чернопольский, будто отыгрывал партию на сцене. – Верочка ко мне за советом приходила.

– Да-да, конечно... А в поведении Артура ничего вам странным не показалось? Были у него здесь недоброжелатели?

– Бог с вами, милейший, кто же будет желать зла фавориту первой леди Москвы. Мы не самоубийцы, но и не убийцы, если вы про это. Артисты – люди тонкой душевной организации. Ну и что, что страстные, у них работа такая. Они котенка не обидят, не то что сына цыганского барона. Нет, никаких недругов. А вот странности у Артура были. Вернее, склонности криминальные.

Худрук поводил пальцами в воздухе, на что-то намекая.

– Это уже интересно, – кивнул я. – Что же он такого тут натворил?

– Здесь – ничего, а вот примерно полгода назад он не явился на генеральную репетицию. Ну, вы представляете, что это такое!

– Нарушение трудового режима? – хмыкнул я.

– Все ведь уже наверняка отрепетировано, – поддержал

меня Погодин.

Как видно, Чернопольский на этом только уверился, что мы – кто угодно, но точно не театралы.

– Спектакль – это сложный механизм, это почти живой организм, где важно буквально все. Сотни людей заняты, костюмы, грим, машинерия, и все нужно проверить перед представлением. Уж, конечно, его неявка нам дело осложнила, но что тут сделаешь, заменили временно вторым составом.

Он вздохнул, будто долго читал лекцию и уже устал.

– Потом Дицони явился и сказал, что его милиция задержала, и он ночь провел в КПЗ. Мы конечно, подумали, что брешет, но он справку какую-то предоставил. С печатью. Что действительно был задержан.

– Хм-м... Странно. Московская милиция не знала, кого задерживает?

– В том-то и дело, справка была с печатью не столичной, а из Зеленоярска.

– Ого... Так это же километров триста-четыреста от Москвы.

– Вот там-то Артура Дицони никто и не знает. Местные милиционеры его и сцапали.

– Спасибо, не густо, – разочарованно поморщился я.

– Так вы не будете проверять эту информацию? – с некоторым возмущением воскликнул худрук.

– Вряд ли. Мало ли, за что его там задержали. За какое-ни-

будь мелкое хулиганство, скорее всего.

Чернопольский с хитрым видом покачал головой и даже как-то вздохнул – мол, боже, какие плоские фантазии.

– Нет, – Валентин Савельевич действительно будто оскорбился моим предположением, – Вы не знали Артура. Он слишком себя любил и никогда до пьяного дебоша не опускался. – Говорят, там скверная история с ним приключилась. В этом самом Зеленоярске.

– Какая?

– Вы же из милиции, а не я... Вот и узнайте. Только после возвращения из Зеленоярска Дицони сам не свой был почти неделю. Уж не знаю, что там с ним приключилось, он никому не рассказывал.

– Спасибо, Валентин Савельевич, мы обязательно проверим этот факт.

* * *

– Привез? – Горох встретил Каткова пытливым взглядом. Тот, раздувая щеки и борясь с одышкой после преодоления ступенек, вошел в кабинет, радостно размахивая портфелем.

– Так точно, Никита Егорович, на Пятницкую в НИИ смотался, заключение забрал.

– Быстро они состряпали, – одобрительно закивал следователь. – Два дня только прошло. Могут, когда хотят. Ну да-

вай уже, доставай, что там медики написали.

Горохов чуть ли не выхватил из рук криминалиста бумаги, отлистал в конец документа и жадно пробежал глазами вывод:

– Все так, как при предварительном осмотре. Причина смерти – колото-резаное повреждение грудной клетки с повреждением левого желудочка. Удар однократный, с погружением однолезвийного клинка в объект на глубину чуть более двадцати сантиметров. А это значит, что рука убийцы твердая. Есть силушка.

– А что насчет живота? – спросил я.

– Порез поверхностный. Без проникновения в брюшную полость.

– Жаль, – сокрушался Погодин.

– Почему? – с удивлением уставился на него Горохов.

– Я думал, может, у цыгана в животе камешки были. Тогда бы мотив был ясен.

– Это явно не ограбление, – кивнул Горохов. – Если Луцкая не врет, в ту ночь кто-то целенаправленно пришел убивать Дицони.

– Вы ей верите, Никита Егорович? – спросил Погодин. – Почему тогда он оставил в живых свидетельницу?

– Видно, совсем уверен в своей неуязвимости, – Горохов задумчиво зажевал кончик галстука, который до этого мусолил в руке. – Либо за ним кто-то стоит очень влиятельный. Либо...

– Либо, – за следователя продолжила Света, – он считает себя правым. Уверен в своих поступках и никогда не раскаивается. Такое бывает у психопатов. Люди в их жизни – лишь пешки, которыми они манипулируют.

– Вот только психов нам не хватало, Светлана Валерьевна, – вздохнул Горохов.

– Не псих, а психопат. Это человек с патологией в самом характере, проще говоря, он обделен совестью и моральными качествами. В наборе его чувств нет любви и привязанности. Он вступает в контакт только для получения необходимого ему ресурса. Например, денег, материальных благ и получения эмоций за счет подавления других. Его внутренний мир пуст и бесцветен, потому ему приходится отбирать яркие краски у других.

– Нда-а... – Горохов поскреб подбородок. – Одно радует. Что психопата будет легче поймать.

– Отнюдь, – возразила Света. – Нельзя недооценивать их ум и харизму. Они живут среди нас, и выглядеть могут очень обаятельными и доброжелательными.

– Эх... – Горохов закурил. – Знать бы мотив, считай, полдела сделано. А так... Кого искать? Черт его знает. Окружение Дицони отработали и гостиницу перевернули. Списки всех постояльцев, проживавших на момент убийства, запросили, проверяем пока. Но толку нету.

– Не всех еще отработали, – сказал я. – Его любовница не опрошена.

– Вот не начинай, Андрей Григорьевич, – у следователя в пальцах сломалась сигарета. – Не дави на больное. Кто же нас подпустит к ней. Или ты предлагаешь сюда ее вызвать? Повесткой?

Дверь распахнулась, чуть на пришибив Каткова, что стоял рядом со входом. На пороге появилась широкомастная дама возраста предпенсионного, но со статью императрицы Екатерины.

Глава 5

За дамой переминался с ноги на ногу местный начальник ГУВД – целый генерал-полковник. Он попытался проскочить вперед дамы, но не успел. Женщина по-хозяйски вошла первой и остановилась посреди кабинета.

– Прошу вас, Галина Леонидовна, проходите, – генерал, наконец, протиснулся и, стоя чуть позади, незаметно махнул нам рукой, дескать, встаньте, товарищи, и поприветствуйте высокую гостью.

Но никто из нас не оторвал от стула пятую точку. Все, конечно, опешили, увидев, кто к нам заявился, но сделали вид, что не узнали Брежневу. Ждали, что будет дальше.

Та брезгливо поджала губы, огляделась и, обернувшись на провожатого, громко спросила:

– Это и есть ваша хваленая следственная группа?

– Это лучшие специалисты, – закивал генерал. – Встаньте, товарищи, у нас сама Галина Леонидовна.

– Здравьте, – скептически произнес Горохов, чуть оторвавшись от стула.

Мы последовали его примеру.

– Кто у вас главный? – Галина прошла вперед тяжелой поступью, размахивая сумочкой из крокодиловой кожи. Стройняшкой она не была, так что объемное платье из дорогой ткани напоминало парашют, а бусины из крупного жем-

чуга на шею только подчеркивали второй подбородок. На внешность не красавица, но харизма прослеживается. На голове – копна. Хоть и аккуратная, но объемная, будто с начесом.

– Старший следователь по особо важным делам Горохов Никита Егорович, – представился наш шеф. – Чем обязаны?

– Вы что, Горохов? Не узнали меня? – сверкнула глазами Галина.

– Узнал, – невозмутимо кивнул тот, – поэтому и спрашиваю. У нас рабочий процесс, так сказать. Тайна следствия. Гражданским сюда нельзя...

– Это я-то гражданская? – Галина махнула ручищами, будто ветряная мельница.

Ветерок достал и до меня. Катков даже на секунду зажмурился, но Никита Егорович с каменным лицом сел за рабочее место и смотрел на гостью не мигая, будто участвуя в битве взглядов.

– Совсем охамели! – Брежнева повернулась к генералу. – Плохо воспитываете свой личный состав!

– Галина Леонидовна, – поспешил заверить тот. – Это не мои сотрудники, они только дислоцируются на Петровке, а, согласно межведомственному приказу, подчиняются начальнику ГУУР МВД СССР.

– Бардак, у тебя генерал, – поморщилась Галина. – Значит, так, – она снова повернулась к Горохову. – Даю вам неделю, чтобы найти, кто убил Артура.

– У нас свое начальство, Галина Леонидовна. Задачи оно нам ставит.

– Ну ты посмотри на него, – включила опять «мельницу» первая леди, обращаясь снова к генералу. – Какие бестактные у вас сотрудники.

– Галина Леонидовна, – начальник управления приложил руку к сердцу. – Не мои они.

– Да поняла уже, – отмахнулась от него Брежнева, и, посмотрев Горохову прямо в глаза, отчеканила. – Если не раскроете – вашей хваленой спецгруппе хана. А сами на гражданку пойдете с волчьим билетом.

Тяжелое молчание на секунду все же прокралось в кабинет, но Никита Егорович быстро его оседлал.

– Мы всегда делаем свою работу, как положено, – пробубнил Горохов будто по учебнику.

– И вот еще что, – Галина поправила сбившиеся бусы. – Слышала, вы нашли подвеску Артура. Ту, что с бриллиантами. Я пришла ее забрать.

– Извините, Галина Леонидовна, но ее могут получить только родственники убитого. Вы не имеете на нее имущественного права.

– Черт знает что! – Брежнева фыркнула, резко развернулась, обдав нас колыханием «парашюта», и решительно шагнула к двери, чуть не раздавив по пути генерала. Тот успел шмыгнуть к выходу и по-лакейски распахнуть перед ней дверь.

Бум! – дверь громко захлопнулась за посетителями, Катков вздрогнул, а мы облегченно выдохнули.

– Скверное дело досталось нам, товарищи, – до этого невозмутимый Горохов теперь раздувал щеки, натирал взмокшую макушку и лоб клетчатым платком, даже снял пиджак и закурил. – Если не найдем убийцу, думаю, что нас и вправду могут расформировать.

Я задумчиво смотрел в стену перед собой.

– Да кто она такая? – хорохорился Погодин. – Пусть не лезет в дела милиции. Где это видано, чтобы гражданские нами помыкали?

– Вот в следующий раз так ей и скажешь, – улыбнулся Горохов. – Когда снова к нам заявится.

– Я? – Федя опустил глаза, взгляд его забегал. – Но вы же у нас старший, Никита Егорович, как я могу поперек батьки? Не положено...

– Ну так я тебе могу делегировать часть своих полномочий, – хитро щурился Горохов. – Будешь от нашего имени вести переговоры с гражданскими. Как тебе такая идея?

– Да я и говорить-то толком не умею, – замахал руками Погодин. – Во всяком случае, не так красиво, как вы и Петров. Вот Андрей бы лучше с этим справился, – Федя с надеждой посмотрел на меня.

– Ладно, шучу я, – отмахнулся следователь. – Давайте думу думать, товарищи. Есть у кого свежие мысли по убийству Артурчика? Чтоб ему пусто было... Нельзя так о мертвых,

но... Эх...

Я взял слово:

– Его художественный руководитель сообщил, что Дицони полгода назад в Зеленоярске застрял. Ночь в КПЗ провел, генеральную репетицию пропустил. И справка у него была.

– Вот как?.. – глаза Горохова блеснули. – Далекое его занесло, в захолустье.

– Не такое уж это и захолустье, городок молодой, тысяч на пятьдесят, хотя сейчас уже больше, скорее всего. Данные на семьдесят девятый год, когда последняя перепись была.

– Это, получается, день пути от Москвы? – Горохов подошел к карте, висевшей на стене.

– Меньше четырехсот километров.

– Молодец, Андрей Григорьевич, уже справки навел... А в местный ГОВД звонил? Узнавал, что да как?

– Звонил, но странное дело. Там сказали, что никакой Дицони у них в КПЗ не проходил.

– Может, проглядели? Журнал регистрации задержанных пролистнули не в том месте. Давай-ка официальный запрос сделаем. По телефону на отшибись могли сказать.

– Я лучше туда схожу, на месте осмотрюсь. Может, что полезное накопаю. Разрешите?

Горохов задумался, побряхтел, а затем глянул на Погодина:

– Ну вот, Федор Сергеевич, ты теперь по оперативной линии у нас временно за старшего. Пока Петров в командиров-

ке будет.

Федя удрученно кивнул. Не хотелось ему в передовиках сейчас быть, после впечатлений от Галины Леонидовны.

– Андрей Григорьевич, возьми нашу служебную машину, – продолжил Горохов. – Путевку оформим.

– Я думал, на поезде. А как же вы без транспорта?

– У нас МУР-овцы на подхвате. Перебьемся их транспортом.

* * *

Выехал я на утро следующего дня. Дорога заняла часов шесть. Зеленоярск раскинулся на берегу реки и стоял немного обособленно от областных трасс и городов. Окружен деревеньками и поселками. Когда-то и город был таким же, пока там не построили гидроэлектростанцию, которая взрастила рабочий поселок, превратив его в городок, состоящий в основной массе из пятиэтажных панелек и множества деревянных бараков. Те, конечно, возводились как временное жилье для строителей гидростанции, но обросли постоянными жильцами и, скорее всего, доживут до двухтысячных. Как говорится, нет ничего более постоянного, чем временное.

Несмотря на всю провинциальность, Зеленоярск мог похвастаться довольно сносной гостиницей. Служила она пристанищем, в основном, для приезжих инженеров и других квалифицированных специалистов, что частенько посещали

ГЭС. Внушительная гидростанция, гордость и краса области, перекрыла в паре километров от города реку Обинку.

Впрочем, заселился я в гостиницу без брони. Огромное здание с рестораном и холлом в комсомольском стиле (по стенам мозаика с изображением факелов и фигур советских строителей коммунизма) почти пустовало. Туристов здесь отродясь не было, а после завершения глобальной стройки наполняемость гостиницы «Меридиан» резко упала.

В любом другом крупном городе я бы натолкнулся на вечную проблему нынешнего Союза – табличку «Мест нет». И если нет заблаговременной брони (как командировочного), то заселиться в гостиницу зачастую можно было, только прошептав администратору магическую фразу – «Здравствуйте, я от Иван Петровича», ну, или дав взятку в виде бутылки коньяка, коробки конфет, а иногда и наличности. И место чудесным образом всегда находилось, а для остальных была стандартная отговорка, что все занято, так как грядет симпозиум лакировщиков глобусов, конференция слесарей-испытателей или прочие спортивные сборы космонавтов-альпинистов.

В СССР самые лучшие и самые доступные по ценам гостиницы, а буржуйские отели Европы и США и в подметки им не годятся. Так трубили советские СМИ. Насчет доступности – не спорю, а вот хорошим сервисом (за исключением некоторых крупных заведений, где часто принимали высоких гостей) и не пахло. Потому что клиент никуда не де-

нется, ведь от Калининграда до Находки везде ждет его одно и то же. А короче говоря – тут вам не “Интурист” и уж тем более не “Россия”.

За два рубля в сутки в двухместном номере я оказался один. Одноместный был дороже, и бухгалтерия, как всегда, со скрипом оплачивала такие «излишества». Но, на мое счастье (не люблю храпящих под боком мужиков), администратор, отвлекшись от вязания под стойкой какого-то шарфика, заверила, что подселать ко мне никого не будут. Номерной фонд свободен, так что уплотнения проводить ни к чему.

В комнате две кровати, возле каждой тумбочка, а между ними – стол и пара стульев. В углу шкаф. Стандартная комплектация советского номера. Без кондиционера. Что ж, лучше, чем общага (хотя общага на Войковской в Москве, мне уже как родная), ведь имеется свой санузел, до потолка зашитый бледно-голубым кафелем.

На полу номера красный палас, а на стене картина с грустной босоногой Аленушкой, что присела на камень у пруда. Классика.

Принял душ, перекусил «Завтраком туриста» из консервов и направился в местный ГОВД, который оказался почему-то на окраине города. Хотя это было не далеко, ведь весь Зеленоярск на машине вдоль и поперек проехать можно было минут за десять. Маленький тихий городок. Очень тихий.

Милиция располагалась в двухэтажном здании с непомерно широкими коридорами, похожими на взлетку, будто дом

переделали из казармы.

Кабинет начальника ГОВД я нашел без труда. Пухлая дверь, обшитая черным грубым дерматином, сразу бросалась в глаза на фоне простой дощатости остальных дверей. На стене табличка: «Начальник подполковник милиции Караваяев М. О.».

Никакой приемной и секретарши и в помине, естественно, нет. Возле кабинета толчется парочка милиционеров с бумажками на подпись. Лица печальные, как у Аленушки с картины. Видно, по материалам что-то накосячили и грустят в ожидании взбучки.

А в очереди стоять к начальнику горрайоргана можно часами. Еще по прошлой жизни знаю. Поэтому сделал ход конем. Дождался, когда из кабинета выйдет посетитель (рыжеусый майор с пузом как у стандартного начальника штаба) и, вытащив удостоверение, вежливо обратился к коллегам, что уже тянули шеи, заглядывая внутрь кабинета начальника:

– Извините, товарищи, я прибыл из Москвы по чрезвычайно срочному делу, – и прошел вне очереди.

– Разрешите? – приоткрыл я дверь, ведь стучать в мягкую обивку смысла нет.

На меня с любопытством уставился хозяин кабинета, признав во мне милиционера. Я в гражданке, но обращение уставное. Он сразу понял, кто пришел.

Небольшого роста ширококостный крепыш в массивных очках на половину лица кивнул:

– Проходите, вы лейтенант Петров?

– Он самый, здравствуйте, – я прошел и, не дожидаясь приглашения, сел на стул перед приставкой к столу.

– Михаил Олегович, – начальник протянул мне через стол руку.

– Андрей Григорьевич, – пожал я в ответ пухлую ладонь.

– Знаю, наслышан. Из Москвы звонили, просили оказывать вам всяческое содействие. Только не пойму, чем наше захолустье заинтересовало знаменитую межведомственную группу Горохова?

– Прямо уж знаменитую? – улыбнулся я.

– Ну как же, – начальник развернул журнал, на обложке которого красовался возрастной улыбающийся сержант на фоне Кремля. – Вот, и в «Советской милиции» о вас пишут.

– Это старый номер, – я мельком глянул на статью с заголовком «Отпор преступности дает межведомственная следственно-оперативная группа». – Решили узнать о нас побольше?

– Нечасто к нам Москвичи приезжают, – подполковник продолжал улыбаться. – Да еще и такого уровня.

– Михаил Олегович, – я решил перейти к делу, не любил выслушивать комплименты, тем более еще не понял, искренние они или меня по отработанной схеме, как с проверяющими, задабривают. – Мы расследуем убийство некоего Артура Дицони. Птица невысокого полета, но по некоторым причинам дело поручили нам. По нашим сведениям, примерно

полгода назад он останавливался в вашем городе и был задержан сотрудниками милиции.

– Было дело, – закивал Караваев. – Я уже дал команду, чтобы собрали нужную для вас информацию. Я вам поясню про него.

– Уже?

– Я же говорю, мне звонили. Так вот. Гражданин Дицони 1957 года рождения действительно провел ночь у нас в камере за пьяный дебош, который учинил в ресторане гостиницы «Меридиан». Рядовое происшествие. Административка. Утром его выпустили. Чем интересен этот человек? Почему вам поручили расследовать его убийство.

– Вы не в курсе?

– Нет, – на виске подполковника выступила капелька.

– Артист, – не стал я раскрывать пока все карты. – В Большом театре выступал. Хотя многие его считали бездарностью.

– Кого попало в такое заведение не возьмут, – замотал головой Караваев. – Видно, у него были другие достоинства.

То ли он меня прощупывает, то ли вправду не в курсе, кто у Артурчика покровитель. Я пока не понял и решил не торопить события. Такое ощущение, что начальник ГОВД что-то не договаривает.

– А почему на пятнадцать суток его не оформили? – спросил я. – За хулиганство.

– Штрафом отделался, он не слишком в ресторане отли-

чился, – развел руками Карavaев. – Так, поскандалил немного выпивши.

– Ясно, спасибо за информацию, – я встал.

– Счастливого пути, – подполковник улыбнулся и протянул мне руку.

– А разве я сказал, что уезжаю?

Улыбка на миг сползла с лица начальника, но он быстро вернул уголки рта на нужное место.

– Нет, но... У вас здесь еще какие-то дела?

– Город, например, хочу посмотреть? – я тоже улыбнулся.

– Да что тут у нас смотреть? Ну, на ГЭС съездите. Комсомольцы такую махину отгрохали. Со всей страны приезжали. А так, у нас ничего особенного. Глубинка. Тишь да благодать.

Я даже шагнул к окну, как будто собирался удостовериться, что ничего тут интересного нет.

– А я слышал, что у вас с раскрытием убийств проблемы. Много темных висит.

Карavaев поморщился:

– А вы отлично осведомлены, Андрей Григорьевич, но с убийствами мы сами разберемся. Потерпевшие – люди обычные, не ваш профиль, так сказать.

– Позвольте полюбопытствовать, Михаил Олегович. Сколько за последние два года у вас висяков с убийствами?

– Навскидку не скажу, – отмахнулся Карavaев.

Неужели начальник милиции не знает о таких тяжких

темнухах на своей территории? Что-то здесь нечисто, – подумал я, а вслух произнес:

– Тогда, если не возражаете, я переговорю по этому поводу с начальником вашего розыска. В каком он кабинете обитает?

– В десятом, – наморщил лоб Караваев. – Только какое отношение это имеет к Дицони?

– Никакого, просто хочу попробовать коллегам помочь, так сказать, в качестве обмена опытом.

Конечно, выполнять чужую работу я вовсе не собирался, а щупал подполковника, давя на большую мозоль. Его слабое место – куча нераскрытых убийств, о которых я узнал заблаговременно, когда просмотрел статистику по Зеленоярску перед отъездом. Хотел понять, какие криминальные веяния царят в этом городке.

– Спасибо, конечно, Андрей Григорьевич, но по делам работал наш лучший сыскарь Вахрамеев. Не думаю, что вы сможете нам чем-то помочь.

– Посмотрим, – улыбнулся я и пожал начальнику ГОВД руку. – До скорой встречи, Михаил Олегович.

Я вышел из кабинета и направился к начальнику розыска. Но того не оказалось на месте. Сослуживцы сказали, что он в областную управу уехал. Некого сыщика Вахрамеева на месте тоже не было. Создавалось ощущение, что они от меня прятались. Ну не исчезли же они, как в булгаковском домоуправлении при “нехорошей” квартире!

Вполне возможно, что притаились намеренно. Если Караваев им позвонил и дал соответствующую команду. А может, я просто себе надумываю лишнего. Черт его знает.

Вернулся в гостиницу «Меридиан» и напрямик направился в ресторан. Нужно побеседовать с персоналом. Может, помнят они, как Дицони у них тарелки бил. Или что он там делал? На столе танцевал? Узнать не мешает.

Глава 6

Но оказалось, что ресторан закрыт среди бела дня, хотя тут же на двери указано было, что работать должен с десяти до двадцати трех. Я подергал стеклянную дверь – все глухо. Повернулся, пошел к администратору гостиницы спросить, что за вольный график у их общепита. Почти уже очутился в холле, как услышал сзади щелчок замка. Обернулся и увидел, что, дверь ресторана открылась, и оттуда выскользнула широкозадая тетя с пухлыми заgreбущими руками. Она быстренько замкнула дверь и поспешила к выходу, еле волоча увесистую сумку из порешно-желтого кожзама.

– Гражданочка, – окликнул я ее. – Милиция. Пойдите.

Тетка охнула и выронила сумку. Оттуда выкатилось колечко колбасы. Судя по раздавшимся дерматиновым бокам, в сумке такого добра было битком. Она даже не застегивалась.

Я подошел, поднял сумку и вручил ее женщине. Та хлопала на меня выпученными глазами, будто увидела привидение.

– Чем же я так вас напугал? – улыбнулся я, налаживая контакт с возможным свидетелем. – Давайте вернемся в ресторан, у меня к вам есть вопросы.

– Так зачем вопросы, товарищ милиционер? Это вот возьмите для Виктора Петровича. Привет ему большой от заве-

дующей ресторана, – тетка протянула мне сумку обратно.

– Я не из ОБХСС, я вообще не из местного ГОВД. В командировке здесь, из Москвы приехал.

– Фух! Напугал ты меня, соколик, я-то думала... – тетка оживилась, и глаза ее встали на место.

Теперь она не напоминала мадагаскарского лемура, а, наконец, стала похожа на типичного работника советского общепита.

– А ресторан почему не работает? – поинтересовался я, разглядывая висевшую возле входа рисованную стенгазету «Молния», где говорилось о том, что сантехник Иванов бессовестно позволяет себе прогуливать рабочие дни, тем самым подставляя под удар номерной фонд гостиницы. Дальше говорилось, что на прошлой неделе на третьем этаже провало кран, и экстренно устранить аварию удалось только благодаря одному из проживающих – по фамилии Рукосуев. Под текстом фломастером был нарисован отважный постоялец в тельняшке, что грудью закрыл напор воды, хлещущий из крана, как из пожарного брандспойта, а ниже лежал в обнимку с бутылкой человек с красным носом и разводным ключом (очевидно, прогульщик Иванов).

– Так в шесть снова откроем, – выдохнула тетя, – раньше народ не собирается. Клиентов нет.

– Отлично. Считайте, что я клиент! Пройдемте в зал, поговорим.

Тетка не решилась включить стандартный режим хал-

ды-общепита, все же я не простой клиент, а власть. Хоть и не колбасу ее караулил, но в случае чего могу ведь и сообщить куда надо.

Она снова отперла дверь ресторана, и мы вошли внутрь. Пустой зал встретил белыми скатерками, скучающей барной стойкой, за которой на полках красовались пустые бутылки с красивыми этикетками и накрепко склеенные коробки из-под конфет.

– Меня зовут Андрей Григорьевич, – мы уселись за один из столиков, на котором стояла одинокая металлическая черная обезьянка, державшая в одной руку солонку с перцем, а в другой с солью.

– Марь Иванна, – приветливо кивнула работница ресторана.

Я улыбнулся. Сразу вспомнились анекдоты про Вовочку, которые скоро будут в ходу. Считается, что прототипом для героя послужил мальчик Володя из Симбирска, который хорошо учился, слушал папу и маму, закалялся, был сильным и смелым пионером.

– Вы не знаете этого человека? – я положил фото Артурчика на стол. – Примерно полгода назад его задержали в вашем ресторане за нарушение общественного порядка.

– Конечно, помню! – Марь Иванна вцепилась в фотокарточку. – Это же артист! Не помню имени, но как он пел, как пел... Каждый вечер у нас отдыхал. Как выпьет, так на сцену лезет, – женщина кивнула на приступок в глубине зала,

где из полумрака торчала нехитрая звуковая аппаратура в виде колонок, барабанной установки, ионики и прочих микрофонных стоек. – Наши музыканты ему аккомпанировали. У нас даже солист после этого уволился, публика его не воспринимала, после того, как артист уехал.

Интересная картина, а в театре меня убеждали, что работать он не любитель. А тут глотку за просто так драл.

– Так что насчет дебоша? – продолжил я.

– Не было ничего такого, – пожала плечами заведующая. – Вполне себе культурный мужчина. Чаевые щедро раздавал. Правда, каждый раз с новой женщиной от нас уходил к себе в номер. Но это нас не касается, не правда ли.

– Вот как? – я задумчиво щёлкнул по носу обезьянку, что слушала нас, развесив уши. – Никаких неприятностей он вам не доставлял?

– Какие неприятности? С его приездом у нас клиентов стало больше! Всем хотелось услышать итальянца, что поет на чистом русском.

– А кто вам сказал, что он итальянец?

– Так он сам и сказал.

Очевидно, она нисколько не сомневалась в правдивости гостя.

– Спасибо, Марь Иванна, вы мне очень помогли.

– А случилось-то чего?

– Итальянца этого, Артура Дицони, убили.

– Как – убили? – женщина снова стала похожа на лемура. –

Такого мужчину!

– Вот то-то и оно. У него точно не было здесь конфликтов?

– В нашем заведении – нет. А вот когда он уехал... Выяснилось, что девчонка одна от него, говорят, забрюхатела.

– Кто такая?

– Да не знаю я. Может, это вообще слухи. Ну я же говорю, у нас все чинно было, благородно. И вы из самой Москвы ради этого приехали?

– А чему вы удивляетесь?

– Я думала, вы из-за девушек.

– Каких девушек?

– А вы не знаете? – Марь Иванна посмотрела на меня как на школьника Вовочку, а затем придвинулась поближе, хотя мы были абсолютно одни, и шепотом проговорила. – Городок у нас небольшой, тихий. Только за последний год трех девиц убили. Так и не нашли, кто.

– Интересно...

– Прирезали их ни за что, ни про что, а милиция так и не нашла душегубов. Мне теперь самой страшно на улицу вечером выходить.

– Вот как?

– А еще недавно адвоката убили. Ножом прямо в сердце.

Собеседница моя сначала показала на грудь, будто себе туда кинжал втыкала, а потом едва заметно перекрестилась. Впрочем, руки она быстро спрятала под стол.

– Тоже не нашли убийцу?

– Слава Богу, нашли. Электромонтер оказался. Гришка Лаптев, одноклассник мой. Мужик он спокойный, но как выпьет, вожжа под хвост попадает. Кулаками машет, один раз даже на дружинников кинулся. С работы его все уволить не могли, дело он хорошо свое знал, но водку любил пуще жены. Из вытрезвителя на него бумаги по месту работы писали, что, дескать, опять ваш электрик у нас протрезвление проходил, примите меры общественного воздействия. Но все без толку.

Марья Ивановна с отстраненной горечью махнула рукой.

– А адвоката он за что убил?

– А кто его знает. Я же говорю, как выпьет – другой человек. Будто бес вселяется. Вот как бывает-то, – Марь Иванна вздохнула, уставившись невидящим взглядом в пустоту зала, будто вспоминала Гришку и школьные годы, где он был обычным пионером, чеканил речевки про отряд и не дружил еще с водкой.

– Ясно, спасибо еще раз...

– А колбаски вам не надо? – женщина извлекла из сумки палку сервелата и промасленный бумажный сверток с запахом буженины. – Денег с вас не возьму. Милиции помогать надо. Особенно московской.

* * *

Я направился на Главпочтамт и заказал междугородние

переговоры. Можно было, конечно, позвонить Горохову из ГОВД, но там вряд ли бы получилось все обсудить без лишних ушей.

– Москва! Пятая кабина, – прозвучал гнусавый голос оператора, перекрикивая шум из соседних «скворечников». Отовсюду слышались крики, типа «Зина, Зина! Ты меня слышишь? Ваську поцелуй за меня! Скоро приеду», «Але! Але! Виталик! С днем рождения, друг!».

Я поплотнее закрыл дверь, снял черную увесистую трубку.

– Никита Егорович, – орать я не стал, в советский телефон чем громче блажишь, тем хуже слышно.

– Привет, Андрей Григорьевич, – голос следователя был невесел, и вместо того, чтобы выслушать мой доклад о проделанной работе, шеф вдруг стал сам мне докладывать. – У нас пока неважно дела идут. Луцкую Алевтину убили.

– Как убили? Кто?

– Не нашли пока. Дело не у нас. Районный отдел занимается. Из Москвы-реки выловили труп. Задушенная. Черненко Алексей Владимирович приходил, мы с ним вместе версии прикинули – нет подходящих пока для серьезной работы.

– Может, это сделал тот, кто убил Дицони? Устранил ее как свидетеля?

– Вряд ли... Почему он сразу тогда так не сделал? Только после того, как она у нас побывала. И потом, почерк разный: удушение и нож. А еще дело наше по цыгану на контроле у

Щелокова. Все-таки Галина бучу подняла знатную.

– Не сомневался, – ответил я, вдавливая трубку в лицо и к уху (хотя если надо, нас прослушают и так), говорят, она с его женой очень дружна. Подружки, вроде...

– Тоже об этом слышал, – голос Горохова сник. – Боюсь, как бы меня на пенсию не турнули. Кровь из носу нам это дело раскрыть нужно, иначе прицепятся.

– Никита Егорович, стопроцентной раскрываемости не бывает. Это всем известно.

– Сам понимаешь, если под тебя копать начали – любой повод найдут... Вот ты сколько в системе? Три года? Скоро поймешь, что я прав. Может, быстрее, чем я думаю.

Я лишь тихо усмехнулся, оторвавшись на секунду от трубки, но вслух сказал:

– У меня пока тоже глухо, но есть некоторые странности. Дицони этот в Зеленоярске чуть ли не душой компании был.

– Что он там вообще делал?

– Пока не выяснил, работаю. Местная милиция явно что-то умалчивает. Поэтому я пока как в потемках. Оперативные позиции с гражданскими буду налаживать, ну и сводки старые просмотрю. Дела оперативного учета мне никто, конечно, не даст глянуть. Местные, скорее всего, уже получили указания от начальника держать язык за зубами. Но что-нибудь придумаю. Постараюсь всё же не задерживаться здесь.

Я понимал, что и там я очень нужен.

– Давай, Андрей Григорьевич, работай. На тебя надежда.

Только аккуратнее там. На рожон не лезь. Завтра доложишь.
– Есть.

* * *

На следующий день я снова направился в ГОВД Зелено-ярского горисполкома. Сразу напрямиком к начальнику. Снова у его двери толпился народ, а я проскользнул без очереди по старой схеме.

– Что же вы, Михаил Олегович, не все мне рассказали? – с порога перешел я в наступление. – Я тут справочки некоторые навел – никто из ресторана «Меридиан» за буйства цыгана не забирал. Наоборот. Говорят, он там очень даже вписался в праздный антураж заведения и выступал за спасибо. А девушка, что от него забеременела, как мне ее найти? Можете? Или мне самому опять тропку протаптывать?

– Нет этой девушки больше, – нахмурился Караваев, отчего его лысина съехала на лоб.

– Как – нет? – я сел за приставной стол. – Только не говорите, что тоже убили.

– Что значит – тоже? – опешил местный начальник.

– Насколько я знаю, у вас три трупа женщин с колото-резаными и мертвый адвокат за последний год.

– Да это все бытовуха. Шлялись по ночам, вот и нарвались, наверное, на хулиганов.

– И адвокат шлялся?

– Его дома нашли... Там и подозреваемый у нас есть. Задержан.

– Так что насчет беременной?

– Непутевая она была. Гулящая. Повесилась спяну дома на люстре. Там никакого криминала нет. Суицид чистой воды. Отказной материал могу предоставить.

Караваев при этом сделал жест, как бы отмахиваясь – мол, совершенно нечего там смотреть.

– Спасибо, я, если что, в штабе в архиве его попрошу, сошлюсь на вас, если не возражаете. И мне бы еще по убийствам девушек посмотреть дела.

– В прокуратуре они. Мы только оперативное сопровождение осуществляем, – вздохнув, выдал Караваев прописные истины, будто не понимал, что я всю эту кухню давно знаю.

– Ну так вы туда позвоните, попросите, чтобы мне краем глаза взглянуть. А то вашего начальника розыска днем с огнем не сыщешь.

– У нас с местной прокуратурой напряг, – поморщился Караваев. – Не задалась как-то дружба.

* * *

– Алло! Никита Егорович, – для переговоров с Москвой мне снова попалась пятая кабинка, я уже начинал считать ее личным кабинетом. – Как у вас там? Ничего нового... У меня все интереснее становится. Березова Олеся Александров-

на – девушка, что крутила роман с Дицони, повесилась у себя дома месяц назад. Я отказной проверил, там все чисто. И заключение СМЭ, и осмотр, все говорит о суициде. Да и дверь была заперта изнутри, когда ее хватились. Слесаря из ЖЭКа вызывал участковый, чтобы в квартиру проникнуть. Но странное дело. Местный начальник милиции сообщил, что она, якобы, непутевая была. Чуть ли не проститутка. Я тут ее по месту жительства посетил. В квартире никого не оказалось. Поговорил с соседями, они пояснили, что девушка была приличная. На швейной фабрике работала. Даже вроде там на доске почета висела, еще не проверял, правда. Жила с отцом. Матери нет.

– Очень мне непонятна позиция местных. – пробурчал Горохов. – Что сам думаешь?

– Отца ее отыщу, переговорю. И вот еще что... Темные убийства не дают мне покоя. Хоть они и не связаны с Дицони, но хочу проверить, что там местные наработали. Для успокоения души, так сказать.

– Хрен с этими убийствами, Андрей Григорьевич, – я даже через трубку видел, как Горохов трясет головой и мнет в пальцах куцый окурок. – У нас самое главное – по цыгану раскрыть, иначе разгонят всех к чертям собачьим и на заслуги прошлые не посмотрят.

Голос его мне совсем не понравился.

– Я понимаю, – всё-таки решил я настаивать, – но копнуть поглубже надо. Чую, что там нечисто. Может, и по Дицони

что-то всплывет прицепом. Сами знаете, как у нас иногда бывает, куда только кривая не выведет.

– Ладно... Твои предложения?

– Продлите мне командировку, с гостиницей я сам вопрос решу. Но самое главное, оформите приказом Главка цель командировки, как оказание практической помощи в раскрытии особо тяжких преступлений, совершенных с прошлого года по настоящее время. Вы ведь это сможете.

– Вот любишь ты нагружать себя, Андрей, ненужной работой, – вздохнул следователь. – Ладно, будет тебе новый приказ и новое командировочное удостоверение.

– Если можно, то завтра с водителем отправьте.

– Вот ты шустрый! Там приказ-то согласовывать надо, по кабинетам побегать. Еще вопрос, подпишут ли его вообще, в свете последних событий.

– Ну, я же знаю, Никита Егорович, вашу пробивную способность. Надеюсь на оперативное разрешение этого вопроса, – бодро улыбнулся я в трубку.

Глава 7

На следующий я день решил снова навеститься к отцу Березовой Олеси, к той девушке, что успела закрутить быстротечный роман с Дицони. Может быть, в этот раз застану его дома.

От гостиницы его дом был совсем близко. Решил прогуляться пешком. Длинная пятиэтажка с еще незастеклёнными балконами и подъездами, выкрашенными в цвет молодой петрушки. Еще чистые и не замшелые. Только на площадке второго этажа красной краской вкривь и вкось выведен текст с потеками: «Вожатая дура!».

Наш человек всегда любил писать на заборах. Как там у Высоцкого в зарисовке? «... в общественном парижском туалете есть надписи на русском языке».

Нажал кнопку звонка, особенно и не надеясь, что кто-то мне откроет. От двери этой несло нежилым. От других квартир пахло жареной рыбой, подгоревшим молоком или просто был слышен гул телевизора и визги детей да брань супругов. А тут тишина. Мертвая.

Но, на мое счастье, замок щелкнул, и на пороге появился хмурого вида мужик в затертой до дыр тельняшке и вытянутых трениках. От него пахло водкой и солеными огурцами. Все-таки есть жизнь в квартире Березовых. Отлично.

Несмотря на свой гардероб, алкаш оказался подтянут,

гладко выбрит, а морда будто вырезана из базальта. Правильные углы черт, как шахтер или комбайнер с плаката.

– Здравствуйте, – я раскрыл удостоверение. – лейтенант милиции Петров. Березов Александр Александрович?

– Он самый, – хозяин зыркнул на меня недобрым взглядом и добавил, будто докладывал. – Одна тысяча девятьсот тридцать седьмого года рождения.

– Можно войти? У меня есть несколько вопросов по поводу вашей дочери.

– Входи, начальник... – хмуро кивнул тот и зашагал в зал. Я разулся и огляделся. Холостяцкая берлога выглядела просто, но чисто. Только темновато. Видно, шторы задернуты.

Я вошел в комнату за хозяином. Тот уселся в кресло, продолжая на меня коситься исподлобья. Но молчал. Что же он так меня невзлюбил прямо с порога?

– Вам знаком этот человек? – я показал фотокарточку Дицони.

Александр безразлично пожал плечами.

– Это Артур Дицони, – добавил я.

– Цыган, что ли? – нахмурился Березов, играя желваками. – И почему я его должен знать?

– Потому что он встречался с вашей дочерью. Недолго. Примерно полгода назад. Вспоминаете?

– А-а... Так тот самый артист? Заезжий.

– Вы его все-таки знаете? – карточку я все ещё держал в

руке, чтобы хозяин квартиры мог всмотреться, если все-таки захочет.

– Дочь что-то рассказывала. Когда жива была, – ровно проговорил Березов.

– Его убили в Москве. Неделю назад.

– Туда ему и дорога, – буркнул тот.

– А что так? – я внимательно следил за его реакцией.

– Приехал, хлыщ столичный! Поматросил и бросил.

Он зло, размашисто махнул рукой. Кажется, стена показного безразличия начала рушиться.

– Расскажите про вашу дочь. Какой она была?

– Зачем? Я думал, вы пришли по поводу ее самоубийства.

А вы смерть этого уroda расследуете? При чем тут моя Олеся?

– Почему сразу урода?

– Я даже свою дочь не хоронил, – прошипел Березов. – А вы ко мне с этим цыганом прицепились.

Он воткнул взгляд в пол, в потертый линолеум.

– Мне жаль, – сказал я искренне, – как так получилось?

– А то ты не знаешь, лейтенант, – скривился Березов.

Интересно – звания отец Олеси хорошо различает, да и людей в форме, кажется, недолюбливает.

– Нет, – коротко объяснил я. – Я здесь в командировке. Из Москвы.

Сейчас не нужно было ничего объяснять, нужно было дать ему заговорить. Собственно, если б мог, я бы и столицу на-

шей родины не упоминал. Но Березов посмотрел на меня каким-то другим взглядом. Может, понадеялся, что я тут “за старшего”? И в чем-то таком разберусь...

– А-а... – смягчился тот. – В СИЗО я проторчал. Месяц целый. Как раз, когда дочь погибла. Чтоб всем пусто было...

Зубы его скрипнули, слова как будто не шли на язык, но он продолжил, хоть и коротко:

– Дело мне шили твои коллеги. Но отделался штрафом.

– Что за статья? И почему избрали против вас такую меру пресечения, как арест, если в итоге штраф получили? – недоумевал я.

– Водки будешь? – неожиданно предложил Березов.

Я на секунду задумался. Разговор как-то у нас с ним не клеится. Может, если чокнемся разок-другой, как водится в нашей могучей и необъятной, и дело лучше пойдет? После совместного возлияния люди братьями сразу становятся, и разговоры за жизнь по накатанной прут.

– Наливай, – кивнул я. – И давай на «ты». Меня Андрей зовут.

Березов поморщился, но промолчал. Ну, теперь хотя бы понятно, почему он ментов недолюбливает.

Он сходил на кухню, принес початую бутылку «Столичной», два граненых стакана и банку соленых огурцов.

Выставил снедь на журнальный столик, который когда-то был детским. Но сейчас лак облез, а цветочки и ягодки потускнели.

Молча налил сразу по полстакана и, не чокаясь, выпил залпом свою порцию. Даже не поморщился. Захрустел кривым огурцом, отплеываясь от ветки укропа.

Я последовал его примеру. Сегодня у меня все равно что-то вроде вроде выходного. В ГОВД без нового командировочного делать нечего.

Березов закурил. Я не торопил его с рассказом. Он задумчиво потер виски и начал излагать:

– За спорт меня посадили, гражданин начальник.

– Как – за спорт? – горячительное теплом прошлось по жилам, мне уже самому захотелось поговорить с этим мрачным человеком. Не из-за работы. А просто понять...

– Статья такая есть, незаконное обучение карате, – мышцы Александра под тонкой тканью тельняшки напряглись и вздулись буграми, теперь на алкаша он был совсем не похож.

– Осенью в прошлом году ввели, – кивнул я. – Добавили пункт в 219-ю. Посчитали, что спорт такой воспитывает жестокость в советских гражданах и растит хулиганов. Но, насколько мне известно, на практике за такое редко сажают. Не припомню, что наши рейдовали, отыскивая подпольные секции.

– У нас в стране несколько миллионов человек занимались этим спортом до запрета. Представляешь, если всех сажать, какой резонанс поднимется? Я тут с друзьями по Федерации разговаривал, многих все-таки из них прижали, кто с размахом занятия вел. Но не за карате. Кого за незаконное

получение прибыли, налоги же они с секций не платили. Кого за хранение валюты. Был бы человек, а повод найдется – тебе ли не знать. Вот такая вот практика, – хмыкнул Березов.

Но поговорить ему все-таки хотелось, и он продолжил рассказ:

– Я вообще бесплатно обучал. Но у меня в секции сынок одного шишки из Горкома занимался. Гадкий пацан. Папашей кичился и младших обижал. Я его хотел турнуть, но директор школы за него лично попросила. Не мог я ей отказать, ведь занимались мы в школьном подвале. Да и, как бы, руководитель она мой была. Это я сейчас кочегар, а до СИЗО в школе работал. Военруком. Так вот, однажды этому недомерку в спарринге нос свернули. Недоглядел я маленько. Буча поднялась знатная. Директор сразу от меня открестилась, что, мол, знать не знала о подпольной секции. Ей горно выговор вlepил за халатность. Я не стал ее за собой тянуть, легко отделалась. А мне приписали незаконное получение денежных средств – и под арест взяли. Якобы с ребятишек я плату брал. Ладно бы это еще не в школе случилось, а где-нибудь в подвале клуба. Вот и взялись за меня по полной. Я ведь не дурак. Сказал, что не карате это вовсе, а рукопашный бой. Ребятишки у меня многие без кимоно занимались. Не было у них возможности его купить или сшить. Деньги мне приписать так и не смогли, как ни старался папашка того пацана. В общем, промурыжили меня знатно. Зато пошли по всякой ботве педагогической. Дескать, занятия проводи-

лись на низком методическом уровне и без соблюдения техники безопасности. И как тренер я не аттестован в Минспорте. Всех собак на меня повесили и следствие затянули. Вот так бывает на практике... В итоге дело в конце концов прекратили, а я месяц в СИЗО за просто так прочалился. Вышел, а дочи нету уже... Вот такие дела, лейтенант. Давай помянем... – Березов съежился, посмотрел пустыми глазами в стену, тряхнул головой и налил нам ещё водки. – Не чокаясь.

– Н-да... – я передернул плечами. – Скверная история. Извини, конечно, за такой вопрос. Но почему Олеся покончила с собой?

Березов опрокинул стакан, залпом выпил. И стукнул им об столик. Выдохнул и проговорил:

– А кто ее знает... Меня-то рядом не было.

– Извини еще раз. Она и правда ждала ребенка?

– Цыган ее с пути сбил, – кивнул Александр. – Сказала, что его ребенок. Я хотел морду ему набить, да только где ж его сыщешь? Он тут недолго ошивался, а потом исчез.

– А что он тут вообще делал? Что-нибудь слышал об этом? Ведь ты знал, например, что он артист.

– Не знаю... Олеся не рассказывала. Да и сама, наверное, не знала. Что мне про него говорить! Олеся, она вообще у меня была девочка тихая, скромная. Простая даже. Хотя училась хорошо. После ПТУ на фабрике швейной работала. И вот в двадцать лет ее не стало... А мне теперь всю жизнь гадай. Что же произошло? И кто виноват...

– Это несчастный случай, Александр Александрович. Но если кто-то и виноват, и я об этом узнаю – обещаю, приму меры.

Тут уж я не выдержал и перешел на официальный стиль общения. Это обещание было торжественной клятвой отцу, оплакивавшему свою дочь.

– Спасибо, гражданин начальник, – каратист улыбнулся, но сделал это как-то горько. – Хороший ты человек. Сразу видно.

– Я Андрей, а не гражданин начальник.

– Привычка, – пожал плечами Березов. – Чуть уркой не стал, штрафом отделался. Судимости нет, но теперь один хрен в школу не берут работать. Вот только в кочегарку и смог устроиться.

– А что тебя здесь держит?

– В каком смысле?

– Езжай в другой город, смени обстановку. В стране кочегарок хватает. У меня друг в Новоульяновске как раз одну держит. И ресторан еще. С работой поможет.

– Да нет, – отмахнулся Березов. – Здесь я родился, здесь и сдохну.

Дзинь! – мы допили бутылку.

* * *

Я вышел на улицу. На душе остался неприятный осадок

после встречи с Березовым. Теперь он совсем один. Главное, чтобы не спился. Хотя не должен. Мужик крепкий, и взгляд у него такой твердый. Есть в нем стержень. Вот так жил не тужил, и система все под откос пустила. И сможет ли теперь совладать со своим горем, с обидой?

Задумался я и о своей жизни.

Вышка есть, звание есть, надо потихоньку вперед двигаться. Главное, с этим чертовым Дицони разобраться. О словах Никиты Егоровича я не мог не думать, хотя сам его и утешал. Если нашу группу действительно расформируют, то мне прямая дорога в опера. Хорошо если в Главк попаду, а если “на землю” – с нуля подниматься долго будет.

Размышляя о жизни, вдруг вспомнил, что вот уже несколько дней не звонил Соне. Развернулся и пошлепал на почту – заказывать переговоры с Новоульяновском. Она сейчас в отпуске, должна быть дома.

В этот раз для звонка мне досталась почему-то кабина не пятая, а третья. Ну и ладно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.